

Умная и остроумная лав-стори.

Observer

Дженни
КОЛГАН

Летний
ресторанчик
на берегу

От этой книги
у вас потеплеет на сердце...

Closer

Дженни Т. Колган

Летний ресторанчик на берегу

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56995285
Дженни Колган Летний ресторанчик на берегу:
ISBN 978-5-389-18534-0

Аннотация

Флоре Маккензи двадцать шесть, она до сих пор не замужем и у нее даже нет парня. Ну как тут познакомишься, когда из дома на работу, с работы домой – в переполненном вагоне лондонского метро... Свидания через «Тиндер»? С этим ей не слишком везет, к тому же она давно и безнадежно влюблена в своего босса Джоэла, который ее совсем не замечает. Кажется, жизнь превращается в сплошную рутину... Но в один прекрасный день все меняется: босс поручает Флоре разрешить проблему важного клиента, купившего недвижимость на маленьком шотландском острове, откуда родом она сама. Ох как ей не хочется ехать туда! Но это дело решенное, и Флора отправляется в путь. Она еще не подозревает, что вскоре станет хозяйкой маленького ресторана и это перевернет ее прежние представления – и о жизни, и о себе самой.

Впервые на русском!

Содержание

От автора	6
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	59
Глава 9	64
Глава 10	77
Глава 11	93
Глава 12	104
Глава 13	107
Глава 14	114
Глава 15	120
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Дженни Колган Летний ресторанчик на берегу

Jenny Colgan

THE SUMMER SEASIDE KITCHEN

Copyright © 2017 by Jenny Colgan

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Карта выполнена Юлией Каташинской

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Т. В. Голубева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

*Посвящается медсестрам.
Потому что вы изумительны!*

От автора

Привет! Если это первая из моих книг, которую вы читаете, – добро пожаловать! Я искренне надеюсь, что она вам понравится. А если вы уже читали мои книги, то огромное и сердечное вам спасибо! Так приятно встретиться с вами снова, и, вау, вы прекрасно выглядите! Вы что, перекрасили волосы? Вам это очень к лицу!

Добро пожаловать в «Летний ресторанчик на берегу»! В отпуск вы, конечно, отправляетесь в самые разные места, но при этом не тратите много времени на то, чтобы как следует узнать свою собственную страну. Я это знаю точно, потому что, прочитав эти строки, мой дорогой друг Уэсли будет фыркать и закатывать глаза, ведь мы дружим уже больше двадцати лет, а я ни разу не навестила его в Белфасте. Итак, я намерена пойти дальше: когда в прошлом году, после десятилетий, проведенных за границей, я вернулась в Шотландию, то решила все исправить.

Прежде я никогда не проводила время в Горной Шотландии и на островах, потому что родилась в южной ее части, так что теперь я пользуюсь любой возможностью, чтобы побывать в тех местах и все изучить, а в острова я влюбилась сразу же.

Там огромные белые пляжи, странные древние сооружения, плоские безлесные равнины – деревья не могут расти

под такими сильными ветрами, – а еще бесконечные летние ночи, когда темнота не приходит вообще. Льюис и Харрис, Бьют, Оркни и в особенности Шетланд, одно из самых странных и чудесных мест во всем Соединенном Королевстве, – все это наводит на приезжих особые чары.

Я хотела начать книгу с самого дальнего севера, но потом придумала некий остров, где соединилось все сразу, – потому что нет ничего хуже, чем писать о каком-то реальном месте и в чем-то ошибиться, – тогда все начинают на тебя злиться. Поверьте, этому я научилась на собственном горьком опыте!

Итак, Мур – придуманное место, но я надеюсь, что в нем отразилась сущность всех тех изумительных островов дальнего севера, которые поражают своей необычной красотой. Они кажутся мне волшебными, хотя, конечно, для людей с мелодичными голосами, что живут там, это просто дом.

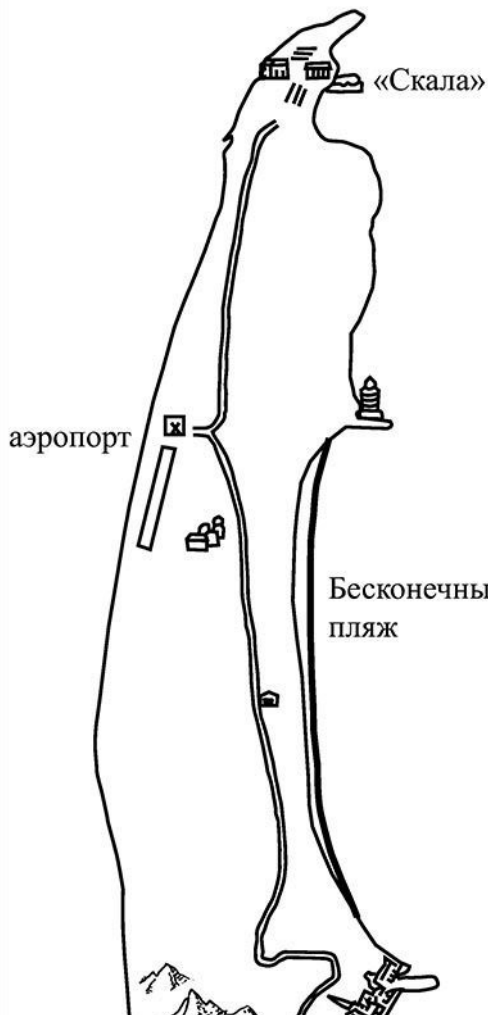
В книге вы также найдете традиционные рецепты для моих любимых пирогов и хлеба, и надеюсь, вы с удовольствием попробуете их испечь, а потом сообщите мне в «Твиттере» или «Фейсбуке», как у вас получилось.

И конечно, мне хочется верить, что вам понравится «Летний ресторанчик на берегу»! Эта книга для меня очень личная. Когда после долгого отсутствия я наконец вернулась домой, на мою родную землю, – как это делает в романе Флора, – я поняла, что родина все это время ждала меня.

С любовью, Дженни

КАРТА
острова Мур

Hiraeth – тоска по дому, куда вы не можете вернуться, дому, которого, возможно, и не существовало, ностальгия по утраченным местам вашего прошлого (валлийск.).

Глава 1

Если вы когда-нибудь полетите в Лондон... Сначала я хотела написать: «Помните, как вы летали в Лондон?» – а потом подумала: пожалуй, это будет выглядеть слегка высокомерно, вроде как: «Я-то летаю постоянно!» Хотя в реальности я всегда покупаю билеты на самые дешевые рейсы со скидкой. А это значит, что мне приходится вставать в половине пятого утра, всю ночь я не сплю, потому что, если вдруг не услышу будильник, мне в такой безбожный час придется дорого заплатить за дорогу в аэропорт, а потом нагружаться жутко дорогим кофе, чтобы не заснуть. И в итоге окажется, что разумнее было бы купить билет на другое время... но не важно...

Итак.

Если вы когда-нибудь полетите в Лондон, знайте: вам придется долго находиться в воздухе, потому что самолет станет кружить, ожидая разрешения на посадку. Но я никогда не имела ничего против этого, мне нравится видеть внизу огромный город, неисчислимые массы суетящихся там людей и думать о том, что каждый из них полон надежд, мечтаний, разочарований, а из улицы в улицу льются миллионы и миллионы горожан – и все со своими фантазиями. Мне это кажется сногшибательным!

А если бы вам довелось зависнуть над Лондоном ранней

весной, то внизу на западе вам бы бросилось в глаза бесконечное зеленое пространство. Кажется, вы можете пересечь весь город, проходя через парки, чтобы затем попасть в его дымную восточную часть, где улицы и площади сбиваются все плотнее. Река здесь поблескивает в лучах утреннего солнца, суда идут вверх или вниз по течению, то по грязной, то по сверкающей воде, и огромные стеклянные башни как будто сами выскакивают там, где их вовсе не ожидаешь увидеть. Лондон меняется на ваших глазах: вы минуете «Купол тысячелетия», ставший как будто ниже; вас ослепит сияющая крыша одного из самых высоких в стране небоскребов, расположенных в Кэнэри-Уорф, с подъемником, который останавливается в середине здания, – наверное, году эдак в 1988-м это показалось бы просто классным.

Но давайте представим, что вы можете увеличить какую-то часть города, как на интерактивной карте в «Гугле», и посмотреть на свой собственный дом, а возможно, и на меня.

Если же двинетесь дальше, то скоро безмятежность божества, озирающего все с небес, покинет вас и вы начнете замечать, как тесно внизу и каким все выглядит грязным, сколько народу торопится по своим делам в разные стороны, хотя еще только восьмой час утра. Вы увидите измученных уборщиков, закончивших утреннюю смену и плетущихся навстречу энергичным молодым мужчинам и женщинам, увидите мелких офисных служащих, розничных торговцев, мастеров по ремонту мобильных телефонов, водителей такси

«Убер», мойщиков окон, продавцов уличной газеты «Большая проблема» и еще множество рабочих в ярких жилетах – эти люди делают что-то непонятное с дорожными ограждениями.

Вы уже совсем низко над землей, летите над Доклендским легким метро, где пассажиры пытаются пробиться через утреннюю давку, потому что другого пути нет. Приходится работать локтями, чтобы отвоевать себе местечко в вагоне – хотя бы постоять спокойно, а лучше сесть, дабы с каким-никаким комфортом доехать до станции «Гэлионз Рич». Но, увы, здесь только и можно, что забиться в какой-нибудь угол и стоять там, волей-неволей прижавшись к другим пассажирам. А вагон полон ароматами кофе и чужим дыханием, часто с дурным запахом, – возникает чувство, что всех этих людей вдруг быстро подняли с постели. Даже слабый солнечный свет, брезжащий над горизонтом, не убеждает вас в том, что начинается весна, но вы должны выдержать, потому что гигантская, вечно голодная машина Лондона уже готова и ждет, чтобы поглотить вас, выжать из вас все, что сумеет, и выбросить обратно.

И среди этих людей – Флора Маккензи. Она расставила локти и ждет момента, когда маленький поезд без машиниста наконец доставит пассажиров на станцию «Бэнк», с ее несусветной путаницей. Вы можете рассмотреть эту девушку: она как раз втискивается в вагон. У нее странного цвета волосы: очень светлые. Флора не блондинка и не рыжая

в точном смысле этого слова; пряди словно сильно выгорели на солнце до блекло-розоватого тона. Как будто цвета нет вовсе. И она, пожалуй, слегка высоковата. Кожа у нее блее молока, а глаза – прозрачные, как вода, и трудно понять, какого они цвета. Девушка крепко прижимает к себе сумку и портфель. На ней плащ, насчет которого она сама не уверена – то ли он слишком легкий, то ли слишком плотный для сегодняшнего дня.

Сейчас, как и раньше утром, Флора Маккензи совершенно не думает о том, счастлива она или нет, хотя вскоре это может стать очень-очень важным.

Если бы вы могли остановить ее и спросить, что она ощущает в этот момент, она, скорее всего, ответила бы коротко: «Усталость».

Ведь именно это ощущает большинство лондонцев. Они измотаны, унылы или чересчур эмоциональны, потому что... ну, никто толком не знает почему. Все это кажется законом существования вместе с постоянной спешкой и очередями перед модными ресторанами. И никто из этих людей никогда не заглядывает к «Мадам Тюссо»...

Флора же сейчас думает, не сумеет ли она приспособиться так, чтобы почитать книгу, а еще о том, не стал ли ей тесноват пояс юбки, а если такая мысль вообще приходит вам в голову, то наверняка дело как раз так и обстоит. Еще Флора размышляет о том, не станет ли наконец теплее, и если это случится, то сможет ли она ходить с голыми ногами, что

представляет собой сложность по многим причинам, и не последняя из них та, что кожа Флоры светлее молока и сопротивляется всем попыткам исправить это. Флора пробовала пользоваться темным тоном для кожи, но это выглядело так, словно она забрела в лужу порошкового мясного соуса «Бисто». Кроме того, при ходьбе ее ноги под коленками потели – раньше она и не догадывалась, что такое вообще возможно, – и искусственный загар прорезали длинные белые линии, на что ей любезно указал ее коллега по офису Кай. У самого Кая кожа была цвета кофе с молоком, и Флора отчаянно ему завидовала.

Еще Флора думала о свидании, назначенном через приложение «Тиндер» и состоявшемся накануне вечером. Парень, который казался таким милым, пока она общалась с ним в Интернете, тут же начал посмеиваться над ее акцентом, как это делали все, всегда и везде. А когда понял, что не произвел на нее впечатления, тут же предложил наплевать на ужин и сразу отправиться к нему, что заставило Флору тяжело вздохнуть.

Флоре недавно исполнилось двадцать шесть, по этому поводу она устроила отменную вечеринку. Все напилось и стали ей твердить, что однажды она найдет отличного парня, или наоборот: как такое возможно, чтобы во всем Лондоне не встретилось никого подходящего? Впрочем, напиться не все. Одна из подруг Флоры была беременна первый раз и изо всех сил старалась делать вид, что все как обычно, ни-

чегошеньки не изменилось. Но втайне она была в восторге. И Флора радовалась за нее – конечно радовалась, пусть ей и не слишком хотелось оказаться на месте подруги. И тем не менее.

Флору прижало к мужчине в отличном костюме. Она посмотрела вверх, всего на мгновение, просто на всякий случай. Это было глупо. Она никогда не видела, чтобы *он* ездил в этих вагонах. *Он* всегда появлялся в безупречном виде, в одежде без единой складочки. Флора знала, что *он* живет где-то в городе.

На вечеринке в честь дня рождения друга Флоры понимали, что не стоит расспрашивать ее о боссе после того, как она выпьет пару бокалов просекко. О боссе, в которого она была глупо и безнадежно влюблена.

Если вам приходилось когда-нибудь мучительно влюбляться, вы знаете, каково это. Кай прекрасно знал, насколько бессмысленна эта влюбленность, он ведь тоже работал на этого босса и ясно видел, что тот собой представляет, – а босс был жутким негодяем. Но не было смысла говорить об этом Флоре.

Однако в любом случае человек в вагоне не был им. Флора почувствовала себя глупо из-за того, что посмотрела на незнакомца. Она ощущала себя четырнадцатилетней, когда думала о своем начальнике, а на ее бледных щеках тут же выступал слабый румянец. Да, она знала, что это нелепо, бессмысленно. Но не могла ничего с собой поделать.

Флора попыталась читать свою электронную книжку, стараясь при этом ни на кого не наваливаться, но не столько читала, сколько, задумавшись, смотрела в окно. В ее уме крутилось сразу множество проблем:

1) У нее новая соседка по квартире. Люди так часто въезжали в ее большой викторианский многоквартирный дом и выезжали из него, что Флора редко имела возможность толком познакомиться с кем-то из соседей. Старая почта грудями валялась в холле среди скелетов скончавшихся велосипедов, и Флора считала, что кто-то должен разобрать этот хаос, но сама она не собиралась ничего делать.

2) Не следует ли и ей снова переехать?

3) Бойфренд. (Вздых.)

4) Время перекусить в кафе «Прет-а-манже»?

5) Может, покрасить волосы? Чем-то таким, что можно смыть? Пойдет ли ей дымчатый или серебристый цвет, или это будет похоже на седину?

6) Жизнь, будущее, вообще все...

7) А не покрасить ли комнату в тот же цвет, что и волосы? Или это будет означать, что переехать просто необходимо?

8) Счастье и все такое...

9) Кутикула.

10) Может, не серебристый, а голубой? Даже синий? Годится ли такое для их офиса? Сможет ли она купить немного голубой краски, покраситься, а потом все смыть?

11) Кошка?

Да, она, Флора, помощник юриста, не имеющий юридического диплома, едет на работу, и она не особенно счастлива. Но ведь и не несчастна, потому что так все живут, разве нет? Толпятся в транспорте по пути на службу. Едят слишком много сладкого, когда в офисе у кого-то день рождения. Клянутся ходить в спортзал во время обеденного перерыва, но не ходят. До головной боли таращатся в телевизор. Заказывают слишком много всего через ASOS, а потом забывают вернуть.

Иногда Флора проделывала путь от метро до своей конторы, даже не заметив, какова нынче погода. Вот и сегодня был просто обычный нудный день.

Но через два часа и сорок пять минут ему предстояло измениться.

Глава 2

Вэто же время в трех милях к западу некая светловолосая женщина громко кричала и возмущалась.

Она была великолепна. Даже в раздражении после бессонной и исключительно активной ночи, с растрепанными волосами, спадавшими на плечи, она выглядела на удивление прекрасной. Ну еще бы, с такими-то длинными ногами и безупречной кожей.

Снаружи доносился негромкий гул автомобилей, почти неразличимый сквозь тройные стекла окон пентхауса. Утренние облака висели низко, цепляясь за башни города и проползая над Темзой, – вид из этих окон был ошеломительный, – однако прогноз погоды обещал сегодня сырой и душный день. Блондинка почти визжала. А Джоэл просто смотрел в окно, что нисколько не помогало разобраться в деле.

Блондинка задумала на тот вечер приятный многообещающий ужин, но, как только Джоэл дал понять, что его этот ужин не слишком интересует – ведь, по правде говоря, трех свиданий более чем достаточно и воспоминаний хватит ему на всю оставшуюся жизнь, – женщина тут же резко переменялась и начала громко возмущаться. Она не привыкла, чтобы с ней так обращались!

– Хочешь знать, в чем твоя проблема?

Джоэл не хотел.

– Ты думаешь, что у тебя в нижней части все в порядке! И что это дает тебе право вести себя как последний мерзавец! Что ты можешь позволить себе все, чего пожелаешь! Ну, это не так, скажу тебе!

Джоэл гадал, как долго это будет продолжаться? И права ли она? Его психоаналитик никогда не высказывался настолько прямо. Джоэлу хотелось выпить кофе... Нет, он хотел, чтобы женщина ушла, а уж потом придет время для чашечки кофе. Джоэл подумал, не поможет ли делу, если он оставится в свой телефон.

Помогло.

– Ты только глянь на себя! Твое поведение сразу тебя выдает! Да-да! Никто и думать не станет о том, что у тебя внутри. Или через что ты прошел. Ты весь в своих поступках! А они позорны!

– Ты все сказала? – услышал Джоэл собственный голос.

У блондинки был такой вид, словно она собиралась швырнуть в него тупфлей. Но она заставила себя умолкнуть и начала с вызывающим видом собирать свою одежду. Джоэл чувствовал, что ему не следует смотреть на нее, но он забыл, насколько она великолепна... Он моргнул.

– Пошел ты! – резко бросила женщина.

Ее юбка была невероятно короткой. И ехать в таком виде в метро домой, в западную часть Лондона, ей было бы весьма неловко.

– Вызвать тебе такси? – спросил Джоэл.

– Нет, спасибо! – сухо откликнулась она. Но тут же передумала: – Да, вызови.

Джоэл снова взялся за телефон:

– Где ты живешь?

– Ты что, не помнишь? Ты же бывал у меня!

Джоэл моргнул. Он не слишком хорошо знал Лондон.

– Да, конечно...

– Шепердс-Буш, – вздохнула женщина.

– Разумеется...

Последовала пауза.

– Все возвращается на круги своя, Джоэл. И ты свое получишь.

Но он уже шел к кофейной машине, проверял электронную почту, готовился к начавшемуся дню. Что-то вертелось на краю его памяти, но что? Что-то хорошее. Он не мог вспомнить.

В семистах милях к северу люди возвращались с полей, разминая мышцы, вокруг них носились собаки, впереди разбегались кролики, со стороны воды дул ветер, свежий, как лимонный лед, а наверху плыло яркое белое небо. Первые утренние работы завершились, люди хотели позавтракать, а внизу, на камнях причала у залива, рыбаки вытаскивали на берег улов и распевали в ясном утреннем свете, их голоса неслись вверх по склонам холмов.

Что, по-твоему, видят его глаза?
Спой о долинах и о водопадах,
О лучшей селедке для пирога,
Что, по-твоему, видят его глаза?

Пой о селедке и о пирогах,
Пой о долинах и водопадах,
Причин для радости нам хватает,
Поем о долинах и водопадах.

Глава 3

Джоэл вошел в свой офис с сосредоточенным видом. Он теперь знал, что вертелось у него на уме: он должен был прямо утром встретиться с Колтоном Роджерсом, еще одним американцем. Тот был исключительно богат, а деньги сделал на новой интернет-компании. Джоэл много слышал о нем, но никогда прежде не встречался с этим человеком. И если Роджерс решил приехать в Лондон для того, чтобы привезти сюда свои деньги, то Джоэл будет весьма рад узнать об этом. Все мысли о неприятном утреннем инциденте полностью вылетели из его головы.

Он кивнул своей помощнице Марго, предлагая пригласить посетителей, и бодро уставился в окно кабинета. Контора располагалась прямо над площадью Бродгейт, в самом сердце Сити, ее окна выходили на кольцевую линию метро и башни за ней – Джоэл видел все вплоть до самой реки. Улицы полнились спешащими куда-то людьми, черные машины такси ползли одна за другой даже в такой ранний час. Джоэл любил этот город, Лондон воодушевлял его, ему нравилось быть частью этой большой машины по производству денег. Джоэл смотрел на город сверху как на собственные владения, хотел завоевать его. Он улыбался себе под нос, когда Марго впустила в кабинет Колтона Роджерса и его команду. Помощница поставила на столик поднос с рогаликами и пе-

ченьем, хотя и она, и Джоэл прекрасно знали, что никто к ним не притронется.

– Привет! – сказал Роджерс.

Он был высокого роста, длинноногий, одет в классическом стиле технарей Западного побережья – джинсы, свитер и белые кроссовки. И еще у него была слегка седеющая, очень аккуратная бородка. Джоэл подумал: не кажется ли его собственный костюм таким же странным Роджерсу, как наряд Роджерса – ему самому?

– Рад встрече с вами, мистер Роджерс.

– Колтон, пожалуйста... – Он подошел к окну. – Черт, сумасшедший город! Как вы это выносите? Столько чертовых людей везде! Как в муравейнике!

Они оба смотрели вниз.

– К этому привыкаешь, – ответил Джоэл, жестом предлагая гостю сесть. – Чем могу быть вам полезен, Колтон?

Последовала пауза. Джоэл старался не думать о том, сколько стоит этот человек. Заполучить для фирмы клиента такого масштаба... Нет, все должно пойти хорошо.

– Я тут купил одно местечко, – сообщил Колтон. – По-настоящему красивое местечко. А они там пытаются построить ветряную электростанцию – рядом или где-то поблизости, ну или что-то в этом роде. Короче, я не хочу, чтобы она там была.

– Понял. – Джоэл моргнул. – И где это местечко?

– В Шотландии.

– А! Тогда, пожалуй, вам нужен наш шотландский офис.

– Нет, за это должны взяться ваши парни.

Джоэл улыбнулся еще шире:

– Что ж, приятно, что нас рекомендовали...

– О боже, нет, ничего подобного. Я думаю, вы, чертовы кровососы, везде одинаковы, и уж поверьте, я с вашим братом много раз сталкивался. Нет. Я узнал, что у вас там есть местный юрист. Кто-то такой, кто реально знает эти чертовы места и сможет постоять за меня.

Джоэл прищурился, копаясь в уме. Сам он никогда не бывал в Шотландии, да и вообще не представлял, о чем говорит Колтон. Он не думал, что у фирмы есть там такой человек – родом из Шотландии. Но ему не хотелось в этом признаваться.

– У нас большая фирма... – начал Джоэл. – Вам не назвали имя?

– Назвали, – кивнул Колтон. – Только я его не помню. Что-то такое... шотландское.

Джоэл снова моргнул. Так он обычно показывал служащим свое нетерпение.

Марго метнулась в угол комнаты, к компьютеру, и Джоэл повернулся к ней.

– Может быть, это Флора Маккензи? Помощница юриста? Это ведь шотландское имя?

Имя Джоэлу ни о чем не говорило.

– То есть она оттуда... Из какого-то весьма странного ме-

ста.

– Странного? – улыбнувшись, повторил Колтон.

Он еще раз широким жестом указал на пульсирующую картину безумной жизни за окном.

– Жить в такой «консервной банке» – друг у друга на голове, – где невозможно дышать, нормально ездить на машине или просто гулять по городу, – вот это я, пожалуй, назвал бы странным.

– Извините, сэр, – отчаянно краснея, пробормотала Марго.

– Но она лишь помощница? – спросил Джоэл.

– Все в порядке, я же не людоед, – вскинул брови Колтон. – Мне просто нужен кто-то местный, кто действительно разберется в том, что происходит, прежде чем из меня начнут вытягивать по восемьсот долларов в час. Оно называется Мур.

– Что именно? – не понял Джоэл.

Колтон разочарованно посмотрел на него:

– То место, о котором я говорю!

– Да, – пробормотала Марго. – Это она.

– Что ж, давайте ее сюда! – раздраженно бросил Джоэл.

– Да, но куда бы мы ни отправились, снаружи все равно не устроиться, там будет битком набито, и...

– Таковы прелести жизни в Лондоне, – заявил Кай, сидевший за соседним столом. – Приходится тесниться.

Флора нахмурилась. Планировать какие-то встречи всегда представляло для нее немалые трудности. Ей казалось, что куда лучше находиться на воздухе, чем сидеть в ее маленькой душной комнате у конечной станции Доклендского метро, что было бы правильным и на сегодняшний вечер. К тому же спать в такой духоте тоже тяжело, так что вечером она предпочла бы прогуляться... Флора посмотрела на большую стопку папок на своем столе и вздохнула. Придется весь обеденный перерыв заниматься ими.

Звякнул телефон внутренней линии, и Флора, ничего не подозревая, сняла трубку:

– Флора Маккензи слушает.

– Да, это вы? – услышала она невыразительный, весьма официальный голос Марго.

Флора всегда внимательно изучала Марго, учитывая, что та немало времени проводила в непосредственной близости к Джоэлу, и очень ее боялась. Флору пугал безупречный облик секретаря. А еще было страшно, когда Марго, услышав вопрос, смотрела на тебя как на последнюю идиотку.

– Вы шотландка.

Таким тоном можно было произнести нечто вроде: «Вы ведь марсианка с четырьмя головами».

Флора нервно сглотнула:

– Да.

– Вы не могли бы сейчас подняться сюда...

– Зачем? – вырвалось у Флоры, прежде чем она успела

опомниться.

Флора не работала на Джоэла, она помогала разным другим его партнерам, сидевшим на нижних этажах.

Марго немного помолчала. Ей явно не понравилось, что какая-то мелкая сошка с четвертого этажа осмелилась задать вопрос.

– ...как только будете готовы, – ледяным тоном добавила она.

В голове Флоры стремительно пронеслось то, что нужно было бы сказать: что ей сначала потребуется напудриться, нанести тональный крем, вообще освежить косметику, чтобы быть готовой, но у нее хватило ума промолчать.

– Хорошо, уже иду, – ответила она.

Опуская трубку, Флора изо всех сил старалась не паниковать.

До сих пор на своем жизненном пути Флора только и делала, что старалась не высовываться, – в школе, в Шотландском университете, на Островах. Она двигалась по пути юриста-недоучки, поначалу пытаясь заниматься тем, на что у нее не хватало способностей. Потом проходила собеседование за собеседованием, стирая подошвы туфель, состязаясь с миллионом других молодых людей, добивавшихся тех же целей, рассылала резюме по всему огромному, недружелюбному и незнакомому Лондону, в поисках совета пыталась заводить знакомства. Когда же ей наконец повезло и она получила ра-

боту в большой фирме с перспективой продвижения, и, возможно, даже высокого, Флора тут же погрузилась в работу, стараясь разобраться во всем, научиться всему, чему только сможет, и у всех просила совета.

Но за все это время никто не предупредил ее: только не влюбляйся в босса, идиотка! А она и не предполагала, что такое может случиться.

Пока оно не случилось...

На разных стадиях процесса над ней насмехались разные пугающие женщины, резко задававшие ей вопросы, и пожилые мужчины, вздохавшие так, словно они считали несправедливым то, что не могут задать ей вопрос о том, когда она собирается забеременеть. Попутно Флора сталкивалась с другими соискателями, добивавшимися того же самого, – и, как обычно, вокруг оказывалось много людей, куда более подходящих для такой работы, более квалифицированных.

Но Флора не напрасно трудилась, она досконально знала область своего дела, была подготовлена к нему – еще бы, да она годы просидела за кухонным столом, а мать то и дело спрашивала, выполнила ли Флора домашнее задание, – и могла ли она сделать больше? Была готова? Сдала экзамены? Находились люди и поумнее Флоры, но немногие так усердствовали. И наконец ее вызвали в кабинет старшего партнера.

А там оказался *он*.

Он кричал на кого-то по телефону. У него был носовой,

непростительно американский акцент, и он жестикулировал свободной рукой, выкрикивая что-то насчет беспристрастности и «о чем они там вообще думали». Марго – хотя тогда Флора еще не знала, кто эта ухоженная женщина, – кратко дала ему понять, что это новая помощница, а он сердито отмахнулся от своей секретарши, потом замолчал, зажал ладонью телефонную трубку и едва заметно улыбнулся:

– Привет! Джоэл Биндер.

– Флора Маккензи.

– Отлично! – кивнул он. – Добро пожаловать в нашу фирму.

На том все и кончилось. Флора замерла, уставившись на него – на орехового цвета волосы, красивый профиль и до странности пухлые губы, – и стояла, пока Марго не выставила ее за дверь. Флора совершенно не заметила взгляда, которым одарила ее эта женщина.

– Он выглядит замечательно, – пробормотала Флора, чувствуя, что густо краснеет.

Джоэл совсем не походил на большинство тех адвокатов, которых знала Флора, – измученных постоянной работой, с перхотью на плечах пиджака, с кожей, которая, казалось, никогда не видела свежего воздуха, с пивным животиком...

Марго что-то промычала себе под нос.

Прошло почти полгода, но больше Джоэл с Флорой не разговаривал. Время от времени она видела его на собраниях, сидя застенчиво в уголке, пытаясь делать записи и ничего

не упустить. Джоэл был властен, груб, агрессивен, он был чрезвычайно успешным адвокатом, и Флора, к собственному стыду и смущению, влюбилась в него сверх всякой меры.

– Слушай, расскажи мне о Джоэле, – как-то вечером с напускной небрежностью попросила она Кая – одного из «рабов», такую же мелкую сошку, от которой ожидали только, что она будет практически бесплатно работать двадцать четыре часа в сутки, не имея никакой другой жизни. – Ну, ты знаешь... о нашем боссе.

Кай повернулся к ней и расхохотался:

– Ты серьезно?!

– А что?

Флора почувствовала, что розовеет, и уставилась в большой бокал очень светлого, с зеленоватым отливом вина.

Она никогда не знала, что именно заказать, позволяя другим сделать это за нее, и теперь слегка тревожилась из-за того, сколько ей придется заплатить. Жизнь в Лондоне была чудовищно дорогой даже при постоянном жалованье.

Кай уже провел здесь все лето в качестве практиканта, он быстро двигался к тому, чтобы стать настоящим адвокатом, а потому был в курсе всех местных сплетен.

– Боже! – Он закатил глаза к потолку. – Еще одна!

– Что? О чем ты? Я ничего такого не говорила.

Откуда у них эта самоуверенность, постоянно гадала Флора, в особенности у тех людей, которые выросли в Лондоне. Может, она рождается сама по себе? Флора знала, что ей

придется пройти дополнительные курсы обучения, а может быть, кто знает, даже и специальную практику, чтобы стать полноправным адвокатом. Но после того, что случилось... Она не могла. Не теперь.

Но работа выглядела такой... привлекательной. Это было именно то, о чем Флора всегда говорила: ей хочется именно этого. Но, привыкнув к новизне того, что у нее появился сезонный билет, жалованье, красивые туфли и перерывы на обед, все начало казаться ей... хм... немножко однообразным. Бумаги сыпались на нее сплошным потоком и никогда не заканчивались – стоило Флоре обрадоваться, что она наконец управилась, начинался какой-нибудь новый процесс и все повторялось. Флора знала, что должна держать себя в руках. Но иногда ей казалось, что она тонет во всей этой текучке.

– Ты справишься, детка! – утешал Флору Кай, когда она стала регулярно жаловаться на количество работы.

И не важно было, насколько Флора задерживалась на службе или насколько квалифицированно разбиралась с бумагами. Просто стыд, думала она, что прекрасная работа с документами никак не помогала во всем остальном. Возможно, именно поэтому она и не упоминала о ней, когда рассказывала о себе на сайте знакомств.

– Да ты что, не замечаешь, насколько он ужасен?

Ох да... Он ужасен, напомнила себе Флора. Ужасно великолепен. Высокий, прекрасно одетый, бесцеремонный аме-

риканец. Он проходил по зданию фирмы так, словно оно было его собственностью. Он пренебрежительно обращался с младшими сотрудниками, никогда не помнил имен и никогда никого не хвалил.

– Он же отрицательная величина!

– Он... что? – ужаснулась Флора.

– Отрицательная величина.

Флора непонимающе моргнула.

– Это значит, что он притягивает людей, а они только и хотят, чтобы он сказал им что-нибудь приятное. Ну, как при дрессировке собак или что-то в этом роде.

– Я не понимаю...

Кай видел свою жизненную миссию в том, чтобы просвещать эту застенчивую, странного вида девушку с Островов, а потому пользовался любой возможностью изложить перед ней весь накопленный за двадцать шесть лет изощренный жизненный опыт.

– Ты ведь жаждешь услышать хоть коротенькое доброе слово, хочешь, чтобы тебя хоть на секунду заметили! И другие также – тоже влюбляются в него. Я имею в виду людей с низкой самооценкой.

Флора нахмурилась:

– Может, он просто кажется мне сексуальным.

– Да. Безжалостно сексуальный! Даже не думай об этом! К тому же он твой супербосс. Так что постарайся не обделаться при нем. А еще...

– Есть и другое «еще»? Не думаю, что оно мне интересно.

– Нет, ты послушай, Флора, я не считаю, что ты в его вкусе... Черт побери! Думаю, он в буквальном смысле может оказаться дьяволом. Ну, ты сама подумай о таком типе людей.

В этот момент Флора подняла голову – и надо же! Увидела *его*. Он шагал по площади Бродгейт, по центру Сити, уверенный и властный, его ореховые волосы сияли на солнце, при этом он сопровождал похожую на жирафа блондинку, шелкавшую каблуками по тротуару, которая была одета в ярко-розовое, – такой цвет на любом другом выглядел бы эксцентрично, но ей только придавал очарования. Флора и за миллион лет не смогла бы стать похожей на нее. То была настоящая райская птичка, существо совершенно иного биологического вида.

Флора проводила пару взглядом и вздохнула.

– Да, – сказала она. – Ты прав.

– Но ты же отлично работаешь с документами, – поспешил ободрить ее Кай. – А ведь это что-то значит!

Флора усмехнулась, и они заказали еще бутылочку.

Это произошло пару лет назад, и с тех пор карьера Кая двигалась скачками. А карьера Флоры... нет. Конечно, она уже немного привыкла к Лондону, стала более скептически относиться к своей фирме, ходила на свидания и вечеринки и ввязывалась в нелепые приключения с разными парня-

ми. При этом она не могла вспомнить ни единого случая, не доведшего ее до смущения, а еще у нее был один хороший друг, Хьюго. Они встречались уже целый год, и он бы хотел зайти дальше, но Флоре казалось, что это было бы... неправильно. Это... Что бы оно ни означало. Конечно, даже если они расстанутся – наилюбезнейшим образом, ведь Хьюго был джентльменом, – то даже через десять лет, когда все вокруг уже счастливо устроятся, а Флора по-прежнему останется одинокой, она все равно может пожалеть об этом. И она это сделала. Слишком долго продолжался засушливый период. Но Флора была довольна. В основном. Это было просто столкновение, короткое безумие, растаявшее позади, пока Флора карабкалась по ступеням здания жизни в этом гигантском городе-машине, отрываясь от всего, что было прежде.

Вот только теперь, в десять сорок пять утра, в шумный четверг в начале мая, ее кумир впервые в истории вдруг пожелал увидеть Флору в своем кабинете.

Глава 4

Флоре нужно было поспешить, но она все-таки заглянула в туалетную комнату, чтобы освежить губную помаду. И взволновалась, поняв, что помада слишком яркая, розовая. Значит, кожа будет выглядеть чересчур бледной. Ладно, все равно она не сможет выйти на яркий солнечный свет, не превратившись в подобие вареного лобстера и не начав слегка дымиться...

Флора уставилась на себя в зеркале и вздохнула. Ей противно было выглядеть такой полинявшей, она чувствовала себя совершенно бесцветной, пусть даже друзья твердили ей, что она такая необычная. На острове, с которого она приехала, Флора вовсе не была необычной, она просто была высокой и светлой, как ее предки-викинги, приплывшие туда сотни поколений назад. У матери Флоры волосы были почти белыми. Это только здесь, в Лондоне, люди позволяли Флоре говорить, а потом заявляли – наверное, считая это комплиментом, – что не слышали ни слова, им просто нравится, как именно она говорит. Флора постепенно училась говорить «теперь» вместо «тииперь» и «вы» вместо «вии», но иногда даже об этом забывала.

Флора попыталась успокоить сильно забившееся сердце. Марго говорила с ней ледяным тоном, но она всегда так говорит. Флора ведь не сделала ничего плохого. Да если бы и

сделала, этим не стал бы заниматься лично Джоэл. Время ее встреч с Джоэлом ограничивалось теми случаями, когда Флора выполняла разные мелкие поручения за Кая, который готовился к экзаменам по юриспруденции, – фирма считала его перспективным сотрудником. Флоре нередко приходилось составлять для него заметки и делать разную плановую работу.

Но о Кая сегодня не упомянули, да и в любом случае он был в суде, предоставив Флоре разбираться с каждодневной грудой документов.

Нет, этим утром дело касалось ее самой.

Флора глубоко вздохнула и направилась к лифту.

Кабинет Джоэла располагался в угловой части здания и впечатлял не на шутку, здесь было множество бросающихся в глаза произведений искусства, которые, похоже, не имели никакого значения, а просто служили доказательством того, что Джоэл достаточно успешен, чтобы окружать себя кричащей красотой. Он кивнул, когда Флора вошла в кабинет. На нем сегодня были темно-серый костюм, белоснежная рубашка и темно-синий галстук, контрастировавший с его волосами. Флора начала краснеть еще до того, как перешагнула порог, и проклинала себя за это.

В кабинете находился еще один высокий мужчина со светлой бородкой – судя по небрежности его одежды, он был очень важной персоной – и еще пара человек, топтавшихся

на заднем плане, они изображали занятость. Флора не знала, должна ли она сесть или стоять.

– Здравствуйте, – произнесла она, стараясь выглядеть уверенной.

– Ну, я бы понял, откуда вы, пока вы и слова не произнесли, – заявил бородатый, подходя к Флоре и пожимая ей руку. – Посмотреть только на ваши волосы. Вы из поголовья Мура, это точно!

Флора не понимала, должно ли ей понравиться то, что о ней выразились так, как ее братья говорили о рогатом скоте, и потому просто застыла на месте.

– А откуда вы... – Джоэл посмотрел на лежавшие перед ним листки, – Флора?

Сердце Флоры забилось быстрее. Почему это имеет значение? Почему это вдруг стало важно? Почему они здесь говорят о ее доме? Такого она никак не ожидала. И не хотела.

– О, это маленький остров... я хочу сказать, вряд ли вы о нем слышали.

Она не хотела говорить о Муре. Никогда не хотела, всегда старалась сменить тему, если дело доходило до этого. Теперь она жила в Лондоне, где мир заново изобрел сам себя.

– Она с острова Мур, – с гордым видом сообщил бородатый. – Я знаю. Я о вас слышан.

Флора уставилась на него:

– Простите?..

– Я Колтон Роджерс!

Последовала долгая пауза. Джоэл озадаченно смотрел на Флору.

– Вы ведь знаете, кто я такой, верно?

Флора уже давно не бывала дома. Но она знала. И осторожно кивнула.

Колтон Роджерс был большой американской шишкой, он купил немалую часть острова и, если верить слухам, менявшимся ежедневно, собирался то ли забетонировать всю эту часть, то ли превратить ее в поля для гольфа и выгнать оттуда всех, кого сможет, ради собственного частного убежища или начать разводить в отобранных домах диких птиц...

Слухов было много, но все они выглядели беспочвенными, потому что никто никогда с американцем не встречался. Флора сильно занервничала. Если он хочет, чтобы их фирма его представляла, что же он там натворил?

Она посмотрела на Джоэла, не зная, чего он от нее ожидает.

Но Джоэл выглядел таким же растерянным, как и она сама, и постукивал по зубам авторучкой.

– Ну, люди разное говорят... Я не слишком обращаю внимание... – проговорила наконец Флора.

– Вот как, не обращаете? – откликнулся американец, явно недовольный. – А вы слышали, что я восстанавливаю «Скалу»?

«Скала» была старой полуразвалившейся фермой на северной оконечности острова, с необычными, ни на что не

похожими постройками. Слухи о том, что какие-то конгломераты и завоеватели намерены явиться на остров и занять-ся ею, ходили еще с тех пор, как Флора была малышкой.

– В самом деле?

– Конечно. Уже почти закончили! – с гордостью сообщил Колтон Роджерс. – Вы ее не видели?

Флора не приезжала домой уже три года. И поклялась, что никогда туда не вернется.

– Нет, – ответила она. – Но я о ней слышала.

– Так вот, мне нужна ваша помощь, – сообщил Колтон.

– Не лучше ли вам нанять шотландского адвоката? Или норвежского?

– Норвежского? – заговорил наконец Джоэл. – Как далеко находится этот ваш остров?

Флора и американец повернулись и посмотрели на него.

– В трех сотнях миль к северу от Абердина, – ответил Колтон. – Вы ведь здесь не слишком продвинулись? Пашете по восемьдесят часов в неделю?

– Как минимум, – кивнул Джоэл.

– Это не жизнь, приятель!

– Но вы ведь именно так сделали свои миллиарды, – с кривой улыбкой напомнил Джоэл.

– Ладно, слушайте. – Колтон снова повернулся к Флоре. – Мне нужно, чтобы вы поехали на остров. Поработали на меня. Поговорили с вашими друзьями и соседями.

– Должна вам сообщить, мистер Роджерс, что я не адво-

кат, – возразила Флора. – Я всего лишь помощник.

– Колтон, пожалуйста. Вот и хорошо. Дешевле обойдется. Мне нужно понять местную жизнь. Я знаю, вы там крепко держитесь друг за друга. Hvarleðes hever du það? – вдруг спросил он. – Как у вас дела?

Флора потрясенно уставилась на него.

– Eg hev það gott, takk, og du? – вырвалось у нее. – Хорошо, спасибо, а у вас?

Джоэл вытаращил глаза.

Флора вдруг почувствовала, что ей необходимо к чему-нибудь прислониться, и схватилась за спинку стула. Она не была уверена, что сможет снова заговорить. Горло у нее сжалось, Флора испугалась, что, хотя с ней никогда не случалось панических атак, сейчас это может произойти.

Воспоминания навалились на нее со всех сторон. Одновременно, как гигантские волны, что катятся на берег, как ледяной ветер, что несется с Атлантики и прижимает к земле траву, снова и снова меняет очертания дюн...

А в центре всего зияла огромная дыра, и Флора не хотела на нее смотреть.

Нет, нет и нет! Она договорилась с Каем о вечере в баре. Она собирает для него справки и думает о том, чтобы завести кошку.

Флора почувствовала, что все глаза уставились на нее, и ей захотелось просто исчезнуть, раствориться в небытии. Щеки у нее пылали. Как отказаться? Как сказать: «Нет, я не хочу

возвращаться домой». Нет! Никогда!

– И так? – произнес Колтон.

– Что за работа? – спросил Джоэл.

– Просто нужно поехать туда и все увидеть.

– Да, она поедет, – кивнул Джоэл, не спрашивая Флору.

– А я смогу остаться в «Скале»? Она ведь закончена? – робко спросила Флора.

Колтон вперил в нее взгляд серых глаз, и Флора поняла, почему он, вопреки явно мягкой натуре, был жестким дельцом.

– Я думал, вы уроженка Мура. Разве у вас там нет родных?

Флора протяжно вздохнула.

– Да, – ответила она наконец. – Да, есть.

Глава 5

На острове, где родилась Флора, существовала легенда о селки.

Строго говоря, «селки» означает «тюлень», хотя на гэльском языке тем же словом называли и русалку. Селки, очутившись на суше, сбрасывали с себя морское обличье.

Если вы женщина и хотите заполучить селки в любовники – они на удивление красивы! – то вы становитесь у моря и роняете семь слезинок.

Если вы мужчина и имеете возлюбленную-селки, чтобы удержать ее, вы прячете ее в тюленью шкуру, и тогда она уже не сможет вернуться в море.

Флора часто думала, что это просто окольный способ сказать: «Эй, люди, на севере так мало людей, что приходится выискивать пару в диких местах». Но это ничуть не мешало множеству людей утверждать, что мать Флоры – как раз селки.

А после того как Флора уехала, то же самое стали говорить и о ней самой.

Когда-то, давным-давно... когда-то, давным-давно...

Флора не сомневалась, что в эту ночь ей не уснуть. Остаток дня она бродила, как лунатик, даже умудрилась присоединиться к поздравлениям кого-то с днем рождения, съела

кусочек чудовищного готового торта и выпила пару бокалов теплого просекко. Но после работы не пошла выпить с другими и отправилась домой, надеясь, что ее соседи куда-нибудь ушли. Все они были фрилансерами, работали в компьютерных фирмах, приходили и уходили в любое время дня и ночи и смотрели на нее как на дырку от бублика. Флоре нравилось быть дыркой от бублика. Это все же лучше, чем быть странной девушкой со странного острова.

Как всегда, Флора подумала о том, что надо бы сделать что-нибудь вкусненькое, но посмотрела на грязную, уже готовую взорваться газовую плиту в общей кухне – и передумала. Она съела салат «Леон», сидя в постели и смотря по телевизору канал «Netflix», потом сжевала полпакета бисквитного печенья и решила, что это более или менее сбалансированная еда.

При этом Флора со страхом поглядывала на свой телефон. Она должна была позвонить домой и сообщить, что придет. Должна. О боже... Ей придется встретиться со всеми. И все будут тарашиться на нее и обсуждать.

Флора тяжело сглотнула и, как величайший в мире трус, отправила сообщение. Потом, как еще больший трус, спрятала телефон под одеяло, чтобы не пришлось читать ответ.

А может, не обязательно останавливаться у своих?

Но в «Харборс рест», единственном отеле на острове, поселиться нельзя. Во-первых, он ужасен, во-вторых, он отвратителен, в-третьих, фирма едва ли станет оплачивать ей рас-

ходы на проживание и, в-четвертых... ладно. Это будет позором для ее отца и для их фермы.

Итак, ей придется ехать домой. О господи...

Флора знала, что некоторым людям нравится бывать дома. Кай забегал к матери на ужин по три раза в неделю. Но это был явно не ее выбор. Флора лежала без сна, гадая, какого черта ей теперь делать.

Она моргнула. А потом каким-то образом поняла, что спит и кто-то пытается рассказать ей некую историю. «Когда-то, давным-давно... – звучал голос. И снова: – Когда-то, давным-давно...»

А Флора умоляла продолжить, это было очень важно, ей необходимо было знать, что тогда происходило, но она опоздала, голос затих и – бах!.. Она снова проснулась, и началось еще одно утро в шумном Лондоне, где даже птицы поют, как мобильные телефоны. Машины неслись и грохотали под ее окном, а Флора уже опаздывала, ей нужно было поспешить, чтобы принять душ до того, как кто-нибудь из ее соседей использует всю горячую воду.

Флора посмотрела на телефон. Ну да, там было ответное сообщение: «Хорошо». Никаких «прекрасно», или «добро пожаловать», или «ждем не дождемся».

Просто – «Хорошо».

Глава 6

Женева. Париж. Вена. Нью-Йорк. Барбадос. Стамбул.

Флора читала табло объявлений в аэропорту с чувством, что все вокруг отправляются в места куда более интересные, чем она сама. И еще... хотя все вокруг были в футболках, а некоторые мужчины даже в шортах, Флора наверняка была единственной, у кого в мае месяце в ручном багаже лежала просторная куртка. Флора даже отыскивала старую трикотажную шапку фер-айл, лежавшую у нее много лет, ее она почему-то так и не смогла выбросить. Сохранила на всякий случай.

На рейс в Инвернесс Флора шла с тяжелым сердцем. Когда она в последний раз совершала это путешествие...

Ладно. Не надо об этом думать.

Лучше сосредоточиться на работе. Когда она толком все о ней узнает. Флора хотела расспросить Джоэла, но постеснялась, даже когда Кай предложил ей отправить вопросы по электронной почте.

– Да перестань ты валять дурака! – сказал он.

– Заткнись! – ответила Флора.

Но ее очень робкое письмо с просьбой разъяснить ей подробнее дело Роджерса не удостоилось ответа, так что Флора по-прежнему пребывала во тьме.

Она предполагала, что Колтон Роджерс намерен сделать

что-то такое, что не понравится островитянам, и желал, чтобы их фирма встала на его защиту. Проблема была в том – вот только Колтон не знал об этом, – что Флора тоже островитянам не нравилась.

Флора вздохнула, глядя на Лондон, закружившийся под ними, когда они поднялись в воздух, посмотрела на трассу M25, битком набитую автомобилями, и ей захотелось – что вряд ли случилось со многими – оказаться там, в одной из этих машин.

Следующий перелет был тряским. Он и не мог быть другим, самолет оказался крошечным, на десяток мест, им в основном пользовались разные ученые, орнитологи, любители пеших походов и редкие любопытные туристы. Флора смотрела вниз, когда они летели низко над водой. Судов не было видно. Когда Флора в последний раз разговаривала с отцом – как обычно, недолго, – он упомянул, что улова почти нет, лицензия закончилась и от них теперь требуют, чтобы они перестали убивать тюленей. Флора прислонилась лбом к стеклу иллюминатора. Земля осталась далеко позади, и Флора, как всегда, с изумлением думала о том, как далек от остальной Британии их остров.

Но в детстве ей так не казалось.

Мур, с его небольшой главной улицей, расположенный на плавных склонах, был ее миром: отец уходил в поле вместе с мальчиками, когда они достаточно подросли, мать хлопо-

тала в кухне, длинные белые волосы падали ей на спину, а Флора делала домашнее задание за старым деревянным столом. Огромный остров Великобритании казался неким мифом, куда кто-то отправлялся на рождественские праздники, а здесь все двигалось в ритме времен года: долгие летние дни с бесконечными вечерами и дверями, открытыми навстречу свежему морскому ветру, уютные темные зимы, когда огонь горит целый день, а кухня – единственное теплое место.

Флора гадала, придет ли кто-нибудь в аэропорт, чтобы встретить ее, а потом приказала себе не думать об этом. На фермах сейчас середина рабочего дня. Все заняты. Она доберется на автобусе.

Флора вышла из самолета последней, туристы уже тащились к маленькому жестяному сараю, который здесь называли аэропортом.

В автобус набились взволнованные отдыхающие, радовавшиеся тому, что нет дождя, они тащили с собой велосипеды, трости для пеших прогулок и путеводители. Солнце уже поблескивало, несмотря на утренний хаар – еще не рассеявшийся морской туман, а когда они подъехали к маленькому городу, то показалось, будто город поднимается из облака дыма, как некая тайна или волшебный фокус. Темно-зеленые холмы спускались к яркому белому песку, который можно увидеть только в этой части мира, а длинные пляжи тянулись без конца и края.

Нетрудно было понять, почему этот остров оказался та-

ким привлекательным для орд викингов, захвативших его и давших ему имя, их бурная кровь до сих пор текла в венах горожан. Ни один из вестминстерских политиков никогда не бывал на Муре. И очень мало жителей Эдинбурга добиралось сюда. Это была маленькая, существовавшая сама по себе точка на самой северной оконечности обитаемого мира.

Когда они приблизились к заливу, туман начал подниматься, открывая ярко раскрашенные дома, стоявшие вдоль порта и образывавшие главную улицу. Еще ближе – и Флора заметила, что дома выглядят слегка обветшалыми, краска на них осыпалась под северными штормами. Один магазинчик – порывшись в памяти, Флора сообразила наконец, что это аптека, – был закрыт, он выглядел грустным и пустым.

Выходя из автобуса, Флора нервничала. Как отнесутся к ней люди? Она ведь понимала, что не слишком хорошо вела себя после похорон. Совсем нехорошо...

Ничего, это ненадолго, утешила себя Флора. Она пробудет здесь какую-нибудь неделю... И вскоре опять вернется в большой город, чтобы наслаждаться летом, сидеть посреди толпы на Саут-Бэнк, назначать никчемные свидания, пить жутко дорогие коктейли, ездить в ночном метро... Быть молодой в Лондоне... Конечно же, это лучшее место в мире!

Само собой, первым человеком, с которым она встрети-лась, оказалась миссис Кеннеди, ее старая учительница танцев, – она была древней старушкой уже тогда, когда Флора

была еще девочкой, но глаза ее оставались все такими же синими и пронзительными.

– Флора Маккензи! – воскликнула она, указывая на Флору своей тростью. – Вот уж не ожидала!

«Я теперь солидная лондонская служащая, – напомнила себе Флора. – Я много работаю, я профессионал, я абсолютно нормальный взрослый человек, мне уж точно не четырнадцать лет!»

– Здравствуйте, миссис Кеннеди, – машинально пропела она.

Флора на больших процессах сидела рядом с известными адвокатами, принимала участие в судах над по-настоящему плохими людьми, которых ничуть не боялась. Но миссис Кеннеди была чистым ужасом. Флора до сих пор не забыла ни единого танцевального па, хотя теперь могла показать свое искусство разве что на вечеринках, где люди так напивались, что просто не в состоянии были его оценить, – и понемногу Флора теряла ловкость.

– Значит, ты вернулась?

– Я... я здесь по работе, – промямлила Флора, понимая, что эта кроха информации облетит весь остров еще до того, как она доберется до фермерского дома.

– Хорошо, – кивнула миссис Кеннеди. – Рада это слышать. Они нуждаются в присмотре.

– Я не это имела в виду, – возразила Флора. – Я действительно по службе... У меня работа. В Лондоне. В очень круп-

ной фирме...

Мысленно Флора крепко выругалась. Какого черта она решила, что сможет произвести здесь впечатление?

– Ох, а хорошо ли это будет? – фыркнула миссис Кеннеди. – Ну, кое для кого – да, уверена.

И она поспешила к маленькому причалу со всей той скоростью, какую позволяли ей измученные артритом ноги.

«Боже-боже», – снова мысленно произнесла Флора. Она знала, что после тех похорон ее имя не слишком уважительно упоминают на Муре, но она и не воображала, что все настолько плохо. Ее внезапно охватила тоска по ее ужасной, маленькой лондонской комнатке, по успокаивающему гулу метро, по вагонам, набитым незнакомыми людьми...

Рыбаки посмотрели на нее, когда она проходила мимо. Сдержанные по природе, они просто кивнули Флоре, и она кивнула в ответ, остро осознавая, как громко стучат колеса ее чемодана по булыжной мостовой. Она ощущала, как за ее спиной кто-то выглянул из двери, но когда оглянулась, то никого не увидела. Она опять вздохнула.

В западном конце главной улицы дорога раздваивалась, и одна ее часть вела к холмам. Большинство домов сгрудились в восточной части, у порта, здесь же впереди лежали фермы.

Солнце ярко освещало поля, когда Флора шла по старой, изрытой ямами дороге – к дому, чей приземистый силуэт обрисовывался на фоне холмов. Серые камни сверкали под солнечными лучами, скрывая внутренний беспорядок. Дом

ее детства.

Пересекая грязный двор, Флора сосредоточилась. Отлично. Спокойно. Быть профессиональной. Собранной. Она никому не позволит взвинтить ее. Все должно пройти...

– Ой-ой!

– О черт, да это Флора? Как она растолстела! Разве ее узнаешь?

– Дверь надо расширить!

Флора зажмурилась.

– Заткнитесь, мальчишки! – ответила она, ужасаясь и в то же время испытывая облегчение.

Если они так хамят, значит не слишком злятся. Так ведь?

Ее братья Иннес и Финтан выскочили из двери. Иннес был высоким и светловолосым, как их мать, широкоплечим и красивым. Он был женат, но недолго и теперь как можно больше времени проводил со своей маленькой дочерью. Рядом с ним стоял Финтан, худощавый, темноволосый и нервный. И наконец, вслед за ними появился Хэмиш, невероятно огромный, ему всегда доставалась самая тяжелая работа.

Но отца с ними не было.

Парни насмешливо обняли Флору, а она так же насмешливо похлопала их по плечам. А потом Флора заметила, что они испытывают такую же неловкость, как и она сама.

Фермерский дом был старым, построенным без особого плана. Темные коридоры вели в разные комнаты. При хорошем ремонте он мог бы стать исключительным, из его окон

открывался вид на море, лежавшее за землями фермы, главной заботой здесь были овцы и коровы. Маленькие выносливые овечки с коротеньким хвостом не слишком много ели, но давали при этом крепкую и мягкую шерсть, которую отправляли ткачам на другие острова и на материк, а потом делали из нее высококачественный трикотаж, одеяла и тартаны, а здешние коровы прекрасно доились.

В ясные дни казалось, что и яркое синее небо, и темно-зеленые поля заполнены маленькими пушистыми облачками. Ближе к морю почва становилась песчаной, а в воде у берега водились мидии.

Флора следом за братьями вошла в дом.

И на секунду на сердце у нее стало невыносимо тяжело. А когда она шагнула в холодный коридор, ее чуть не сбило с ног нечто огромное, лохматое, хрипло лающее.

– Брамби!

Пес ее не забыл, он явно был вне себя от радости, увидев Флору; он прыгал вокруг и подвывал, изо всех сил изливая на нее свой восторг.

– Ну хоть кто-то рад меня видеть, – сказала Флора.

Братья пожали плечами.

– Ну, чего уж тут...

Потом Иннес предложил поставить на огонь чайник, а Флора отдала ему свою куртку и опустила на пол дорожную сумку, оглядываясь вокруг и думая: «О боже, боже...»

Глава 7

Пожалуй, это было даже хуже, чем она ожидала.

Большая кухня располагалась в задней части дома, она смотрела на залив, солнца в ней хватало. Но казалось, что время здесь остановилось. Все было в пыли, в углах радостно копошились пауки. Флора положила маленькую сумку на кухонный стол, тот самый огромный стол, который видел множество схваток – иногда физических, если у мальчишек выпадало такое настроение, – и рождественских вечеров с бабушками и дедушками, дядями и тетями со всего острова. Стол наблюдал и за девичьими мечтами, на него падали слезы, когда домашнее задание оказывалось слишком трудным, за ним играли во что-нибудь, когда погода вынуждала людей не выходить из дому – разве что накормить животных. За этим столом ели консервированные супы, когда начинались шторма и ложился снег и паромы не могли добраться до острова. Здесь страстно рассуждали о независимости Шотландии, и политике, и вообще обо всем, что приходило на ум. А отец сидел тихо, читая, как всегда, «Фермерскую неделю» и требуя, чтобы его оставили в покое с бутылочкой эля после чая, который всегда пили в пять часов. Ложились рано.

Когда Флора уехала, она была бесконечно счастлива оставить наконец позади этот стол, с его неизменным ритмом приготовленных матерью рагу и запеканок, жареного мяса,

супов, завтраков и ланчей для работников. Ее братья росли, становясь все выше и шумнее, но жизнь никогда не менялась, не двигалась вперед. Парни, в общем, никуда не стремились, а Флоре казалось, что она задыхается, ее душили фазаны, во множестве появлявшиеся в ноябре, и всегда одни и те же щербатые синие с белым кружки на полке над плитой, и весенние маргаритки, и пьяные на Рождество...

Флора улетела, не желая быть прижатой к земле, как ее мать, подчинявшаяся сезонному ритму жизни фермерской жены, она не хотела вечно смотреть на серое небо, пролетающих мимо птиц и танцующие на воде лодки.

А теперь она смотрела на этот стол, заваленный грязными чашками и старыми газетами, и чувствовала, что самые корни ее жизни врезаны в него и вырвать их невозможно.

Когда мать вернулась домой в последний раз, мальчики перетаскивали одну из кроватей из свободных комнат вниз, на почетное место у большого кухонного окна. Ножки кровати скрипели, но в этой комнате хотя бы всегда было тепло и уютно, и мать могла видеть все то, что происходит снаружи. Никто ничего не сказал, переноса кровать, но все знали, что это такое: ложе смерти.

Накануне Флора вернулась, прилетела после испытательного года, одинокая, практически не имеющая друзей в пугающем новом городе, напуганная диагнозом, который мать весь этот год скрывала от семьи.

Сайф, местный терапевт, заглянул к ним в то утро, чтобы удостовериться, что все готово к возвращению больной и приготовлены лекарства, – теперь это были просто болеутоляющие. Предполагалось, что мать должна принимать их строго по графику и в предписанном количестве. Но местная сиделка и Сайф потихоньку сказали Флоре, чтобы она давала матери столько лекарств, сколько та попросит, и не болтала бы об этом.

Флора только кивнула, делая вид, что все поняла, хотя ни малейшего представления не имела о том, что происходит, – и просто в ужасе и недоверии смотрела на них. А потом ей пришлось стоять рядом с братьями, когда мать привезли домой.

В тот вечер мать ненадолго очнулась или как будто очнулась, как раз тогда, когда небо начало наливаться сочным розовым цветом, и Флора села рядом, чтобы дать матери немного воды, хотя та глотала с трудом, и еще лекарство, от которого та сразу расслабилась и даже смогла погладить руку Флоры, а Флора наклонилась к ней и прижалась лбом к ее лбу, и они дышали вместе – вдох-выдох, вдох-выдох... Все остальные тоже зашли в кухню. Неизвестно, когда именно случился последний вздох или кто заметил это первым, но это произошло именно здесь, где мать провела почти всю свою жизнь. Все они были бесконечно благодарны за то, что она вернулась к ним, домой, и к ней не тянулись трубки от питающих аппаратов, и она не лежала в стерильной палате,

и ее не окружали шумные люди, пытающиеся делать что-то бесполезное. Нет, она была здесь, где на плите стоял старый закопченный чайник, а на коврике лежал Брамби, постукивая, как обычно, хвостом по полу, а в миске с таинственными мелочами лежала заодно и древняя связка никому не нужных ключей – дом никогда не запирался. Здесь по-прежнему висели те самые занавески, которые Анни сшила собственными руками, когда переехала сюда много лет назад, будучи юной невестой... Флора представляла ее: веселую, полную надежд, с цветами в волосах – тогда так было модно, затем об этом забыли, а теперь это снова входит в моду...

А потом по ковру в этой комнате ползали младенцы, и вскоре дети уже носились вокруг, и без конца появлялись и исчезали сезонные рабочие... Сколько она сварила овощных супов, сколько испекла яблочных пирогов и сколько разбитых коленок обмыла водой, сколько слез вытерла... Как часто ей приходилось отмывать пол, на котором оставались следы грязных резиновых сапожек. А сколько надо было приготовить тортов на дни рождения – шоколадных для Финтана и Хэмиша, лимонных для Иннеса, ванильных для Флоры... И сколько здесь было задуту свечек, развернуто рождественских подарков, выпито чашек чая...

И все это исчезло в мгновение ока, когда Флоре исполнилось двадцать три года, и она сбежала отсюда так быстро, как только могла. Она не в силах была думать обо всем этом, не хотела когда-либо возвращаться, а хотела лишь такой жиз-

ни, которая оторвет ее от прошлого, она не желала тонуть в семейной боли, заниматься домом, как от нее ожидали. Как ожидал от нее весь остров.

А теперь Флора стояла здесь, в темной, пыльной, нелюбимой кухне, держась за спинку стула и просто позволяя слезам течь по щекам.

Глава 8

Флора услышала приближение отца до того, как увидела его, – точнее, услышала лай его пса Бракена, почуявшего гостя, – и быстро отерла лицо.

Эк Маккензи всегда выглядел сильным человеком. Но теперь его синие глаза провалились, щеки покраснели от резких ветров на вересковых пустошах, а волосы под извечной твидовой шапкой поредели.

– Флора, – кивнул он.

Конечно, они разговаривали после похорон. Но лишь коротко. Флора звала его в Лондон, а он отвечал: «Хорошо, может быть, может быть».

Но они оба знали, что это означает: «Никогда, никогда».

– Ты ведь не насовсем вернулась?

Флора покачала головой.

– Нет, у меня здесь работа, – с готовностью сообщила она. – Но это ненадолго. Может, на неделю.

– Хорошо, – кивнул отец.

Флора отлично знала, что слово «хорошо» может значить для ее отца очень многое. На этот раз оно означало «ну и ладно, пусть все идет, как идет».

Они замолчали. Флора подумала, что если бы здесь была мама... она бы уже принялась хлопотать, заваривая чай, подсовывая всем печенье, хотя бы они того или нет, и создавая

вокруг себя тепло и уют.

Но вместо этого все испытывали неловкость.

– Может, чая? – спросила Флора.

Это слегка помогло.

Они с унылым видом уселись за кухонный стол. Еды почти не было, и все вокруг казалось пустым.

– Ну и что за работа? – спросил наконец Финтан.

Слова как будто вытащили из него клещами.

– Хорошая, – ответила Флора. – Я приехала для переговоров с Колтоном Роджерсом.

– Ну-ну, желаю удачи, – фыркнул отец.

– С этим уродом! – воскликнул Иннес.

«Ой-ой!» – подумала Флора.

– Притормози! Он совсем не так плох, – возразила она.

Братья переглянулись.

– Ну, мы об этом ничего не знаем, – сказал Финтан.

– Он не желает иметь дел с местными, – пояснил Иннес. –

Никого не нанимает, ничего у нас не покупает.

– Строит какую-то фигню на севере острова, – продолжал Финтан. – Для богатых идиотов, которые будут прилетать на вертолетах за «впечатлениями».

– Для идиотов, – кивнул Иннес.

– И заманивает сюда разных дебилов для охоты на куропаток. Они останавливаются в «Харборс рест» и ведут себя как английские придурки, – добавил Финтан.

– Полагаю, вы ведете себя дружелюбно и получаете от этого выгоду, – сказала Флора.

– Отвратительные люди, – покачал головой Хэмиш и протянул бисквит Брамблу, который как раз на такой случай стоял рядом.

Отец даже не сел с ними за стол. Он устроился у печи, подбрасывая в нее уголь и попивая виски из большого стакана, хотя было только начало дня. Флора посмотрела на него, потом снова уставилась в свою тарелку.

– А вы, ребята, питаетесь... то есть вы как следует заботитесь о себе?

– Мы тут прибрались перед твоим приходом, – нахмурился Финтан.

– В самом деле?

– Что ты хочешь сказать? – мгновенно перешел в оборону Финтан.

– Нет-нет, я просто...

– Мы едим сардельки, – сердито пояснил Финтан. – Иногда бекон.

– Вы же себя убиваете!

Отец явно похудел. То ли он мало и плохо ест, то ли дело в виски. Прошло ведь два года, они должны уже пережить потерю...

А она – нет.

– Ладно, спасибо за насущный совет, Флора, ты ведь прилетела издалека, чтобы дать его, – язвительно произнес Ин-

нес. – Мы немедленно прекратим работать по двадцать четыре часа в сутки... А какой у тебя рабочий день?

– Довольно длинный, – огрызнулась Флора. – И мне приходится далеко ездить на работу.

– И ты готовишь?

– Нет. Но там есть закусовые, кафе, доставка...

Флора посмотрела на лица братьев и решила, что незачем сейчас объяснять насчет доставки на дом.

– Ладно, – сказала она, – а как дела на ферме?

Последовала долгая пауза.

– Зачем тебе это? – резко спросил Финтан. – Ты вернулась домой, чтобы проверить соблюдение законов?

– Нет! – возмутилась Флора. – Я совсем не это имела в виду.

– Не слишком хорошо, – отрывисто произнес Иннес. – Не все из нас выкладываются по полной.

– Это ты о чем? – спросил Финтан.

– Ты слышал.

– Я делаю свое дело!

– Ты делаешь только то, без чего никак уж не обойтись.

Слава богу, Хэмиш подбирает за тобой.

– Мне нравятся коровы, – сообщил Хэмиш.

– Заткнись, Хэмиш! – цыкнул на него Финтан. – Тебе все нравится.

Флора, не глядя на Хэмиша, передала ему свой последний бисквит. Тот разом его проглотил.

– Как вообще дела, папа? – спросила Флора.

– А... прекрасно, – не оборачиваясь, ответил отец.

Он продолжал смотреть на огонь. Бракен сидел рядом, положив голову ему на колени.

Иннес включил телевизор. Это была единственная новая вещь в доме, и на огромном экране как раз по «Скай спортс 9» транслировали шотландскую игру шинти – нечто вроде хоккея на траве. Иннес включил звук и выложил на стол большой пакет чудовищно жирных булочек с сосисками, купленных в деревне. А Флора сидела и молча смотрела игру вместе со всеми, и пустота внутри ее стала такой необъятной, что она едва могла дышать.

Глава 9

В девять вечера Флора получила сообщение из конторы Колтона Роджерса о том, что он будет занят все утро и не сможет с ней встретиться. Флора почувствовала себя совсем бесполезной. Она написала об этом Каю, и тот сразу же ответил.

Привет, детка! Как тебе это?

Не хочешь вернуться?

Ну, вот это тебя взбодрит. Джоэл озабочен происходящим. Он поднимается к вам.

А ты лучше поспи.

Наконец Флора отказалась от шинти и пошла в спальню, но уснуть не могла. Она ощущала легкий запах плесени от наволочки под головой, одеяло было тонким, матрас продавленным, и она гадала, когда же здесь кто-нибудь спал в последний раз. Отец не слишком жаловал гостей. Да и с какой стати, если все, кого он более или менее знал в этом мире, жили совсем рядом и могли дойти до дому пешком? А при большой семье дом и так всегда казался полным людей и даже слишком шумным.

Потом Флора услышала, как где-то далеко капает вода из крана. Она нахмурилась, сообразив, что кран точно так же подтекал и тогда, когда она еще жила здесь, что за прошедшие годы никто и не подумал его починить.

И она вдруг затосковала по суетливым улицам Восточного Лондона, по шуму вечеринок и дракам, что время от времени завязывались в жаркие ночи, по грохоту полицейских вертолетов, круживших над головой, по всему тому, что обычно вызывало у нее раздражение, а теперь показалось таким привычным, знакомым. Здесь же было так тихо, если не считать проклятого крана. Лишь ветер с моря едва шелестел травой. Ни автомобилей, ни соседей, ни музыки, ни людей. Вокруг

царила полная пустота, как на краю света. И Флору стиснуло чувство бесконечного одиночества.

Но как ни странно, это походило на ее первую ночь в Лондоне: она начинала новую жизнь, а вокруг все было незнакомым. Но тогда Флору наполняли энтузиазм и волнение, надежды на новые возможности. Пусть даже она не продвинулась так далеко, как могла бы, она это сделала. Много работая, Флора построила здание собственной жизни. Сама управляла своей судьбой...

И только для того, чтобы закончить там, где начинала? Флора пролила немало слез по матери. Но теперь оплакивала саму себя.

Она прислушивалась к крану, ненавидя его, и в три часа ночи встала, чтобы попытаться его привернуть, – но безуспешно. Когда она на цыпочках шла через кухню, уже забрезжил рассвет, и Брамбл с надеждой посмотрел на нее, стуча хвостом по каменному полу. Флора задержалась на секунду, чтобы поправить потухающий огонь в печи. Когда она возвращалась в спальню, Брамбл тихо встал и пошел за ней, и Флора впустила его в комнату. Она забралась снова в уже слегка остывшую постель, а Брамбл тут же влез на кровать и устроился в ногах. Его теплая тяжесть была приятной, и, когда пес мирно заснул, Флора тоже наконец задремала.

Она проснулась мгновенно, как будто ее ударило током, – в то время, когда братья отправлялись доить коров.

Джоэл! Джоэл приезжает!

Ей нужно было сделать многое, но она не могла сосредоточиться. Дом давил, а снаружи светило солнце, Флоре хотелось воспользоваться прекрасным днем и выплеснуть излишки энергии, поэтому она позвонила старой школьной подруге Лорне. Они учились в разных классах, но на Муре это никогда не имело значения. В их школе и было-то всего два класса: для мелочи и для больших.

Теперь Лорна вернулась на остров, чтобы стать сначала учительницей, а потом и директрисой местной начальной школы. Однако сейчас были каникулы, так что она оказалась свободна.

Лорна, милостивая рыжеволосая девушка, трудившаяся как черт, понимающе относилась к тому факту, что подруга почти не поддерживала с ней связь, если не считать редких «лайков» в «Фейсбуке», ведь Флора жила волнующей жизнью в Лондоне. Флора предложила вместе выпить где-нибудь кофе, и Лорна ждала, что ей придется с вежливым видом выслушивать жалобы на то, что этот кофе никуда не годится в сравнении с тем изумительным напитком, что подают в Лондоне.

Но когда Лорна увидела Флору, она была потрясена отсутствием того сияния в глазах, которое осталось в ее памяти.

– Привет! – с усмешкой сказала она. – Не может быть, чтобы так уж плохо оказалось вернуться домой.

– Все на меня косятся, как будто я их предала, – попыта-

лась улыбнуться Флора.

– Тебе так кажется, – возразила Лорна. – К тому же люди беспокоятся за твоих братьев, они остались одни на ферме. Это странно.

– Но я в этом не виновата!

– Все думают, что один из них мог бы уже и жениться.

– Ну, Хэмиша никому не женить, – возразила Флора. – Он собственную голову не сможет найти, даже если будет шарить обеими руками.

– Знаю, – вздохнула Лорна. – Жаль... он такой милый.

– И слишком тороплив.

– А ты уже видела Агот?

Агот была дочерью Иннеса. Он стал ее опекуном, после того как его бывшая, Эйлид, сбежала на материк.

– Нет еще.

Лорна улыбнулась.

– А что такое?

– Увидишь, – ответила Лорна. – Ты можешь попросить Эйлид отправить ее в мою школу? Будь добра.

– Ладно, – согласилась Флора.

– Слишком многие уезжают. Хотят найти хорошую работу.

– Я видела закрытые лавки.

Лорна хмыкнула, когда они шагали по дороге от фермы.

– Посмотри, – сказала она, показывая на залив. – Разве все может быть плохо в такой день, как сегодня?

Над заливом кружили чайки, высматривая, не осталось ли на берегу чего-нибудь после ночного лова, на волнах играл свет. Прогноз погоды был не из лучших, но на самом деле ненадолго заморосивший дождь как будто отмыл дочиста все вокруг. Странно, но иногда такое случалось: все острова и материк вплоть до Лондона могли затянуться холодом и серой сыростью, но погодный фронт напрочь миновал их остров, позволив ему греться в ясном солнечном свете. Конечно, он не обжигал, но можно было посидеть на воздухе – в теплом свитере.

– Понимаю, – кивнула Флора. – Извини. Это просто... ну, ты знаешь.

– Да, – согласилась Лорна.

Она тоже потеряла мать. Иногда, подумала Флора, достаточно просто побыть рядом с тем, кто тебя поймет.

– А как твой отец?

– Погано.

– Мой тоже.

– В общем... – Флора пнула какой-то камешек. – Знаешь, когда мне сказали, что я должна приехать сюда по работе... у меня даже внутри все перевернулось. Нервы... Потому что это всегда здесь. И меня это мучает. Мне ненавистно постоянно раздражаться. Ведь я по природе веселый человек. Всегда была такой.

– Если честно, ты сама всегда вызывала раздражение, – улынулась Лорна.

– Ой, умолкни!

– Ну, как бы то ни было, – продолжила Лорна, – все в порядке, это правильно. Правильно горевать. Ты для этого предназначена. Таков период привыкания.

– Мне нравится в Лондоне, – вздохнула Флора. – Там я слишком занята, чтобы горевать. У меня нет времени оглядываться по сторонам и везде ее видеть, думать о ней или слышать вопросы о ней.

Они дошли до отеля «Харборс рест», которым управляла высокая энергичная островитянка по имени Инге-Бритт. Туда заглядывали в основном туристы, и ей не приходилось беспокоиться о том, что они явятся сюда еще раз, и ради этого как следует чистить столовые приборы.

Подруги заказали кофе и устроились в обшарпанном зале. Лорна посмотрела на Флору:

– Неужели это так ужасно – вернуться сюда? Многие из нас... мы живем здесь постоянно. И это чудесно. Замечательно! Кое-кому очень даже нравится.

Флора помешала ложечкой в кофейной чашке. На поверхность поднялась легкая серая пенка порошкового молока.

– Знаю, – проговорила она. – Я не хочу представить дело так, словно я какая-то другая, особенная...

– Твоя мама именно так и думала.

– Все мамы думают так о своих детях.

– Не так, как твоя. «Ох, Флора справилась! Флора сдала все экзамены!» Она всегда желала тебе большего. – Лорна

немного помолчала. – Ты там счастлива?

Флора пожала плечами:

– Нам лучше поговорить об этом вечером. С вином вместо вот... что бы это ни было такое.

– Закажу-ка я булочку с заварным кремом, поделимся.

– Можно попросить, чтобы ее подали без тарелки? Может, так чище будет?

Они честно разделили булочку, и Флора снова задумалась.

– У меня такое чувство, словно я здесь не на месте. Потом я уезжаю, и там то же самое. Так что я не знаю. Почему для тебя все так легко?

– Ха! – откликнулась Лорна.

Ей всегда нравилось учительствовать. Она отправилась в педагогический колледж на материке, и там ей было на диво хорошо. А потом она была счастлива снова вернуться домой, где остались ее друзья и родные, и со временем – хотя, если честно, претендентов на это место было не слишком много – стать директрисой маленькой начальной школы. Конечно, тревожило то, что население острова уменьшалось, а Лорне хотелось бы встретить хорошего мужчину, но в остальном...

– Ну да, – признала она. – Мне здесь неплохо.

– А мне иногда кажется, что для меня вообще нигде нет места.

Лорна неодобрительно фыркнула и встала. Флора послушно вышла следом за ней и пошла к заливу.

– Смотри! – велела Лорна.

Флора не поняла, о чем она говорит. Все вокруг было таким же, как всегда. Древние волны бились о стены причала. Старые лодки подпрыгивали на воде, и вечные чайки суетились у мусорных баков, вокруг стояли все те же полинявшие дома, а дальше тянулись все те же фермы и маленькие рыбоконсервные фабрики.

– Ну? – сказала она. – То же, что всегда.

– Нет, – возразила Лорна. – Смотри! Смотри, как мчатся по небу облака. Много ли неба ты видишь в Лондоне? Когда я там была, я только и видела что дома, а потом снова дома и голубей – и ничего больше.

– Хм... – промычала Флора.

– Вздохни! – посоветовала Лорна, вставая на стенку причала.

Воздух был свежим и чистым, с запахом соли, ветер тут же растрепал ее волосы.

– Попробуй это на вкус! Когда я в последний раз была в городе, то думала, что задохнусь от гари. А здесь потрясающе!

– Ты точно чокнутая! – усмехнулась Флора.

– Дыши! В мире так мало мест, где ты можешь дышать так же, как здесь. Это свежайшая из всех существующих атмосфер! Вдыхай ее! Выбрось к черту все эти классы йоги. Ничего не может быть лучше этого!

Флора уже откровенно смеялась.

– Я серьезно! – Лорна осторожно пошла по стенке. – Это ты чокнутая, Флора Маккензи. Здесь изумительно!

– Но уж очень холодно.

– Купи куртку потеплее. На это особого ума не надо.

Флора вслед за подружкой забралась на стенку – здесь они в школьные годы сидели рядышком, ели чипсы и болтали ногами. Она посмотрела туда, куда указывал палец Лорны. Под ними вытянула длинную шею редкостной красоты цапля. Птица стояла на одной ноге, как балерина, будто осознавала собственную привлекательность, а солнечные лучи образовали гало вокруг ее головы. Потом, словно дождавшись, чтобы обе девушки посмотрели на нее, цапля раскинула царственные крылья и стремительно понеслась над живыми сияющими волнами, а вслед за ней помчались птицы попроще, сидевшие до того на стенах ярко раскрашенных домов, – цапля как будто увлекала их к белому горизонту.

– В Лондоне такого не увидишь, – усмехнулась Лорна.

И Флора вынуждена была с ней согласиться, когда цапля, даже не замедлив полета, выхватила из воды блестящую рыбку.

Пока они стояли так, глядя на море, Лорна наклонилась к подружке.

– Все будет хорошо, – тихо сказала она.

Лорна была наилучшим типом подружки, такой, которая никогда не проявляет злобы или зависти. Флора вдруг заметила, что снова пытается сморгнуть слезы, и прокляла се-

бя за это. Она вдруг осознала, что впервые услышала такое. Отец не мог этого сказать, потому что для него это не было бы правдой. Он потерял все, для него ничего хорошего не осталось. Но братья... они все казались угодившими в ловушку. А сам остров как будто полагал, что Флора не достойна того, чтобы к нему вернуться.

– Думаешь? – тихо, с дрожью в голосе откликнулась она.

Лорна даже растерялась:

– Конечно! Все будет не так, как прежде, я уверена! Когда ты теряешь кого-то из родителей, то оказываешься в совершенно другом мире.

– Я должна была сделать больше.

– Не тревожься, – покачала головой Лорна. – Ты ведь не знала. Никто никогда не знает. До тех пор, пока не перейдешь ту реку. Пока живешь в том мире. А потом начинаешь понимать.

– И что, становится лучше?

– Да.

Цапля опустилась на большой камень и пристально всмотрелась в горизонт. Она была такой неподвижной и безупречной, что казалась фотоснимком. Флора уставилась на нее, моргая и стараясь остановить слезы.

– Ладно, – сказала Лорна. – Чем ты намерена заняться сегодня?

– Знаешь, что по-настоящему нужно братьям? – вздохнула Флора. – Нормальная домашняя еда.

– О да! – согласилась Лорна. – Твоя мама была лучшей поварихой, каких я только знала. И она ведь тебя учила?

– Учила, – кивнула Флора. – Только я успела все забыть. А в Лондоне еда...

– Только не начинай опять! – прикрикнула на нее Лорна. – Ты только что снова начала мне нравиться.

Глава 10

Марго сунула голову в приоткрытую дверь. Джоэл опять всю ночь работал над очередным судебным процессом, под глазами у него появились темные круги. Марго иногда удивлялась ему. Она же видела его электронную почту, отвечала на звонки. Если не считать случайных девушек, полагавших, что они могут чего-то добиться, в почте и звонках не было ничего личного. Никогда.

Конечно, это ничего не значило. Но иной раз Марго задумывалась, не скрывает ли резкость Джоэла чего-то другого. А иногда ей казалось, что он просто машина.

– Кофе?

Он раздраженно качнул головой.

– Вы летите сегодня в Шотландию?

– А что, это обязательно? – скривился Джоэл. – В самом деле? Разве я не могу все решить отсюда?

– Колтон, похоже, просто влюблен в те места, – пожала плечами Марго. – Так что это может иметь смысл на будущее, если вы хотите придержать его для себя.

– Да-да-да... Ладно, скажете, когда он позвонит. Я предпочту как можно дольше держаться подальше от той забытой богом дыры. Вы видели ее на карте?

Марго вытаращила глаза, когда Джоэл показал ей, как далеко на севере от главного острова Британии находится тот

островок.

– Если бы он находился ближе, я бы удивился, – сказал Джоэл. – Черт... хорошо. Я передумал. Приготовьте кофе. Марго выскочила из кабинета.

Флора обошла весь малюсенький супермаркет, сердясь все сильнее. Она хотела приготовить на ужин что-нибудь особенное, что-то такое, чего они обычно не ели, и непохожее на еду, которую готовила их мать. Флора не думала, что отец и братья могут помнить рецепты матери.

Она мельком подумала о том, как они с Хьюго ходили на свидание в Боро, рядом с Лондонским мостом. Это был рай для обжор, и невероятно дорогой. Как-то раз субботним утром они отправились туда, планируя заказать на вечер что-нибудь потрясающее – ризотто с кальмарами или горячий и острый тайский суп. Они пробовали там уйму кушаний, которых Флора никогда прежде не ела: кимчи, и севиче, и множество прочих деликатесов. Сама Флора умела готовить только традиционные блюда, но Хьюго куда больше разбирался в еде и ошеломил ее новыми вкусами.

Флора решила приготовить на вечер клецки со шнитт-луком в остром курином бульоне, с капустой, чесноком и чили. Отлично для мужчин, когда они голодными возвращаются с поля. День был ясным, но с севера продолжал дуть ветер, и неплохо в таких случаях проглотить что-то, согревающее изнутри.

– Привет, – поздоровалась Флора со старым Вулли, который, как всем было известно, работал по двадцать четыре часа в сутки в единственной на острове бакалейной лавке.

Но может, он и не был настолько стар. Возможно, ему на самом деле было лет тридцать пять, просто он очень устал.

– Флора Маккензи, – проворчал Вулли.

Флору охватило легкое раздражение. Вулли как будто не одобрил ее хорошую одежду и обувь...

– Флора Маккензи! Вы только посмотрите на нее!

Но никто не посмотрел.

– Привет всем, – сказала она. – Да, я вернулась. Но по работе, знаете ли. Я, вообще-то, работаю в Лондоне.

Вулли смотрел прямо перед собой, не проявляя никакого интереса, – как обычно.

– Ну да, – пробурчал он.

– В общем... У вас есть... рисовое вино?

– Не-а.

– А лимонная трава?

Вулли посмотрел на нее и медленно моргнул.

– Соевый соус?

– Ага, – ответил Вулли и показал на крошечную, ужасно пыльную и липкую на вид бутылочку.

– А как насчет овощей? – бодрым тоном продолжила Флора.

Вулли махнул рукой в сторону полки, заставленной консервными банками, и Флора окончательно рассердилась. На

острове выращивали множество отличных овощей – морковь, картофель, помидоры, которым только и нужно было, что оставаться укрытыми, в тепле. Почему же всего этого нет в этой лавке?

– Здесь есть фермерский магазин? – спросила она.

– Чего-чего? – произнес Вулли с легким оттенком угрозы в голосе.

– Ничего, – ответила Флора и поспешила уйти.

В конце концов она нечто соорудила из того, что нашла дома в кладовке, то есть из старых пакетов лапши и острого местного лука. От волнения и оттого, что Флора одновременно пыталась хоть как-то отмыть грязную кухню, она ужасно переварила курицу на незнакомой ей газовой плите, а клецки получились твердыми, как пули.

Иннес, умываясь над раковиной, когда они вернулись с поля, внимательно посмотрел на еду.

– Это что, феминистское блюдо? – спросил он, когда все заняли привычные места за столом: Иннес и Хэмиш со стороны окна, Флора и Финтан напротив них, отец – ближе всех к плите. – Или это последний крик поварской моды в Лондоне?

– Ну, мы могли бы этим посыпать амбар вместо гравия, – предложил Финтан, с сомнением тыча в тарелку вилкой.

– А еще можно подправить оштукатуренную стенку, – добавил Иннес. – Можно это использовать как замазку.

– Хватит нить, ешьте, и всё! – отрезала Флора.

– Но на вкус оно как помой, – заявил Иннес, стараясь говорить рассудительным тоном.

Флоре захотелось швырнуть в него тарелкой. Она понимала, что это глупо – еда и вправду была ужасной, – но в то же время она и отчаянно смутилась, и разозлилась. Она слишком отвыкла от всего здешнего.

– А мне нравится, Флора, – сообщил Хэмиш, который уже вылизал тарелку дочиста. – А что это такое было?

– О, бога ради, Хэмиш! – воскликнул Финтан. – Вечно ты так!

– Еще что-нибудь есть? – грустно поинтересовался Иннес.

– Нет, если вы сами ничего не приготовите.

Братья переглянулись.

– Что ж, тогда вы можете помереть от голода, – ядовито сообщила Флора.

– Тосты! – радостно воскликнул Иннес, и братья вскочили.

– Что?

– Помнишь миссис Лаэрд? – сказал Финтан. – Она всегда ухаживала за викарием. Миссис Лаэрд умеет кое-что. Она печет для нас хлеб.

Флора порозовела:

– Я и сама могу.

– Давай, милая, – заговорил вдруг отец. – Поначалу ни у кого не получается как надо.

Флора глубоко вздохнула и окинула взглядом грязную кухню.

– Пойду прогуляюсь, – сказала она.

– В рыбную лавку? – с надеждой произнес Хэмиш.

– Нет!

Флора быстро вышла из дому, ее глаза щипало от слез. Ей хотелось хлопнуть дверью, но эту дверь никогда не закрывали летом, и она слегка покоробилась, однако никому не пришло в голову хотя бы смазать петли – и это тоже разозлило Флору. Они что, совсем опустили руки?

А теперь еще и посмеиваются над ней, дразнят, как и прежде. И никто не думает за нее заступиться.

Ладно, она не собирается это терпеть. Она уйдет, отправится... но куда? В пабе сейчас наверняка полно отцовских друзей, а Флора не желала с ними сталкиваться. А все остальное уже закрыто. Ох, ну и местечко, черт побери... Но и домой вернуться прямо сейчас она не может.

Флора решила подняться по склону Карндина, освежить голову.

Огромный холм, с которого виден весь остров, был прекрасен – на самом деле его стоило назвать горой. Люди приезжали из разных мест, чтобы подняться на него, а зимой его основательно заносило снегом. И подъем на холм, как ни странно, был очень опасен, он не годился для легких летних прогулок, а в плохую погоду здесь и вовсе на каждом шагу грозила опасность. Не проходило ни одного сезона без того,

чтобы не вызвали горную спасательную службу, потому что то один идиот, то другой оказывался в беде скорее, чем мог вообразить, хотя и считал, что просто быстренько прогуляется по чудесному зеленому холму, не обращая внимания на множество предостерегающих знаков и на путеводители, где четко и ясно говорилось обо всех опасностях.

Островитяне, часто сами в летнее время занимавшиеся спасательными работами, фыркали при виде всех этих девиц, что тащились на холм в шлепанцах и футболках, и парней, думавших, что переберутся через седловину без веревки. Потом все они были весьма благодарны собакам-спасателям и даже не реагировали на колючие замечания местных.

Конечно, Флора все это знала как свои пять пальцев, впервые она поднялась на этот холм, когда ей было девять лет. И еще были школьные походы по склонам, всегда вызывавшие громкие стоны. Еще они ездили в Эскер, маленькую деревушку на материке, где проходило жалкое подобие летней ярмарки, с шумными состязаниями и откровенно убогими киосками, вызывавшими восторженные вопли у вечно голодных мальчиков и девочек с острова. Они возвращались, нагруженные огромным количеством леденцов и дешевых мягких игрушек, хихикая над «альпинистами», у которых не было ничего, кроме пустых коробок из-под сэндвичей, съеденных еще в десять утра, натертых ног да изредка капюшонов, полных дождевой воды.

День уже подошел к концу, но вечера сейчас были очень

длинными, и Флора, поднимаясь все выше, начала дышать глубже и замечать все вокруг себя. Спустя еще десяток минут она удивленно оглянулась – за ней с бодрым видом бежал Брамбл.

– О нет! – воскликнула Флора. – Иди домой! Слушай, мне нужно побыть одной, честно.

Брамбл не обратил ни малейшего внимания на ее слова и подошел, чтобы вежливо лизнуть ей руку.

– Псина, ты слишком старый и толстый, чтобы лезть на эту гору. Что, если ты где-нибудь застрянешь?

Брамбл энергично махнул хвостом. Если она решит отвести его назад, ей придется вернуться в кухню, в неприятное молчание, которое, как была уверена Флора, охватило всех, и извиниться за свою вспышку, что будет выглядеть глупо. Она вздохнула и пошла дальше.

– Ты уж не отставай от меня, ладно?

Брамбл застучал когтями по камням. Если бы не его толстый зад, он выглядел бы весьма благородно.

Флора миновала нижнюю часть склона и очутилась на середине холма, где росла высокая трава. Воздух был чистым и холодным, и, когда Флора посмотрела назад, она увидела вечернее солнце, отражавшееся в море необычайно спокойном, словно какой-нибудь пруд. Вдали она заметила паром, совершавший свой обычный рейс через залив. Флора подумала, что было бы очень приятно находиться сейчас на его борту. А потом она могла бы сесть на ночной поезд от Форт-

Уильяма и вернуться в Лондон...

Только не забывай, сказала себе Флора, что в Лондоне сейчас может быть градусов тридцать... И там царит чудовищная духота, воняет от полных мусорных баков, вокруг сигналият автомобили, все шумят и люди живут слишком близко друг к другу... Лондон летом был... да, это прекрасный город, но уж слишком переполненный. А какое множество пассажиров набивается в перегретые вагоны метро и пропахшие потом автобусы! Люди ищут крошечные клочки травы в парках и садах... а еще там раскаленные тротуары, запахи пищи, спиртного...

А здесь, наверху, бесспорно есть чем дышать.

Но дело-то не в этом, сердито возразила самой себе Флора. Дело совершенно не в этом. Никто ведь не отрицает, что здесь прекрасно. Конечно прекрасно, здесь изумительно, все это знают. Вопрос в том, подходит ли это ей лично. Годится ли это для того, что она хочет получить от жизни, чем бы это ни было.

Но пока что Флора вернулась на эту глупую ферму и оказалась прикована к чертовой раковине, точно так же как ее мать. Флора горестно пнула какой-то камешек. Этого она не планировала. Это вообще никакой не план. Если и дальше все пойдет так же, если над ней будут смеяться после совершенного ею самопожертвования... что ж, она не станет иметь с ними никаких дел!

Флора снова пошла вверх, надеясь, что изрядная физиче-

ская нагрузка поможет ей немного успокоиться, но вскоре поняла, что мысленно продолжает спорить сама с собой о том, что не в силах изменить. Потом, опомнившись, она обнаружила, что поднялась выше, чем собиралась, и теперь видит за холмами материк. Небо заполнилось маленькими розовыми облачками, паром в заливе превратился в маленькую точку...

Флора решительно пошла дальше.

Уже у самой вершины она наконец почувствовала, что достаточно утомилась, потому что в голове у нее начало проясняться. Флора нашла водопад, который, как она знала, прятался за каменной стеной, и они с Брамблом с удовольствием напились его ледяной освежающей воды. Флора как раз решила, что с нее вполне достаточно, как вдруг услышала жалобный визг.

Она огляделась:

– Брамбл? Брамбл!

Пес в ответ заскулил, но не подбежал к Флоре, как всегда.

– Брамбл!

Солнце уже собиралось спрятаться за горами, и тут же усилился холод. Испуганная Флора поспешила на голос пса. И, к своему ужасу, увидела, что его передняя лапа застряла между камнями. Пес отчаянно скреб по влажным камням задними лапами, пытаясь высвободиться.

Флора зашла в воду и осторожно вызволила лапу из ловушки, а Брамбл в страхе вертелся под ее руками.

– Все хорошо, все хорошо... – шептала Флора на ухо тяжеленному псу, помогая ему выбраться на ближайший клочок мягкой почвы. – С тобой все будет в порядке.

Брамбл тихо поскуливал и дрожал всем телом. Оба они промокли насквозь, а когда солнце скрылось, воздух стал ледяным. Правая передняя лапа пса изогнулась под весьма неприятным углом, Флоре становилось не по себе от одного взгляда на нее. Брамбл жаловался и смотрел на Флору так, словно это она была во всем виновата, а она только бессвязно бормотала что-то, чувствуя, как в ней нарастает паника. Флора не взяла с собой телефон, она выскочила из дому без сумки, слишком обозленная, чтобы прихватить хоть что-нибудь. Здесь даже в лучшие времена было плохо со связью, а то, что начиналось сейчас, на лучшие времена совершенно не походило.

На спуск с холма нужно как минимум полтора часа. Бедный пес не смог бы так долго идти, а весил он больше, чем сама Флора. А ей не по силам тащить его. Но и бросить его здесь она не может, он все равно попытается ковылять за ней, и кто знает, что тогда случится? Привязать пса не было возможности – да и сама мысль о том, чтобы оставить на привязи страдающее от боли существо, пусть даже ради его же пользы, выглядела невыносимой. К тому же скоро должно было окончательно стемнеть, и как ей уговорить кого-нибудь лезть наверх в чернильной тьме ради спасения собаки? Это ведь слишком опасно, кто станет подвергать риску жизнь че-

ловека?

Флора громко выругалась. Черт побери! А самым ужасным во всем этом было то, что Флора лишь подтверждала мысли своих родных о том, что она уж слишком размякла от городской жизни, даже забыла, как ходить по холмам.

О господи... Флора посмотрела на пса.

– Вот ведь как, видишь? Но ты не беспокойся, – сказала она.

Она слышала быстрое биение сердца в груди Брамбла. Дышал он часто и заметно дрожал.

– Бедный мой Брамбл, – пробормотала Флора, зарываясь лицом в его мех.

Она только теперь заметила, что очень замерзла. Слишком замерзла. Солнце ввело ее в заблуждение, на севере Британии была еще ранняя весна, а значит, опасность морозов не миновала.

Что ж, по крайней мере, у Флоры была собака, способная ее согреть, – нужно только прижаться друг к другу. Но нельзя же оставаться здесь на всю ночь. Нет, это чистое безумие!

И вся ее жизнь, сердито решила Флора, тоже была чистым безумием.

Она увидела, как надвигаются тучи. Ну конечно, а как же иначе? Это было самым старым в мире высказыванием: «Если вам не нравится погода в Шотландии, просто подождите минут пять». От дождя холмы за заливом потемнели, скрываясь из вида. Вскоре и вся линия берега исчезла за темной

стеной воды. Ветер донес свежий, неземной запах надвигавшегося дождя. Брамбл поскуливал, как будто знал: вот-вот случится что-то плохое. Флора подумала, что у него-то хотя бы есть теплая шкура. Но все остальное выглядело весьма мрачно.

Она попыталась приподнять пса. Казалось, он весил целую тонну. К тому же он тут же запаниковал из-за боли в лапе и попытался вырваться из ее рук, что означало: идея невыполнима.

Упали первые крупные капли дождя. Флора лишь теперь сообразила, что на ней лондонская куртка, великолепная для того, чтобы пробежаться под легкой моросью, но абсолютно бесполезная на вершине шотландской горы во время шторма.

Интересно, когда братья забеспокоятся, гадала Флора. Они, наверное, решили, что сестра отправилась в паб встретиться с Лорной и вернется не скоро. В паб пускали собак, так что и из-за отсутствия Брамбла им не приходилось тревожиться, даже если они это заметят.

Флора сняла куртку и набросила ее на голову – куртка была без капюшона, – но вода все равно стекала по ее щекам. Флора вспомнила все известные ей ругательства и повторяла их снова и снова, но это не помогло. На самом деле они как будто даже вызвали раскат грома где-то вдали.

Укрытие, подумала Флора. Она должна найти какое-то укрытие. Флора стала мысленно рисовать план склонов, изу-

ченных ею в детстве. Она часто собирала там дикие цветы – для матери, а та бросала на них рассеянный взгляд и смотрела вокруг в поисках вазы, которой у них не было, после чего ставила букет в большую кружку.

Флора вспомнила, что примерно в двухстах метрах ниже по склону была пещера – с другой стороны, ее вход смотрел на остров. Там Флора в школьные годы пила сидр и целовалась с Кларком, а после их свиданий на земле оставались окурки и пробки от бутылок. Теперь Кларк был на острове полицейским, что сразу напоминало о том, как все изменилось. Флора не знала, служит ли и теперь пещера таким же целям. Скорее всего, да. На их крошечном островке не так уж много мест, где можно спрятаться от внимательных глаз. И если она сумеет добраться туда, они с Брамблом спрячутся, пока... ну, в общем, пока Флора не придумает что-нибудь получше.

Она глубоко вздохнула. Можно спуститься с горы, позвать братьев. А, да пошли бы они!.. Пусть себе занимаются своими делами, едят бобы из консервной банки, если им так хочется, ее это больше не интересует. Флора ненавидела это глупое место, его безумную погоду и глупую местную общину, где все знали друг друга и на все имели собственное мнение. С нее довольно!

Брамбл ткнулся носом в ее ногу.

Может, она и Брамбла заберет с собой. Хотя, конечно, перевезти огромного старого пса в крошечную съемную квар-

тирку в Лондоне... Ладно. Возможно. Возможно, она будет его навещать. Или...

Брамбл заскулил.

– Перестань, псина, – попросила Флора. – О боже мой... Ладно.

Наилучшим способом, рассудила Флора, было бы поднять Брамбла на плечо, как в военных фильмах, стараясь при этом не задеть пострадавшую лапу. Брамбл сначала сопротивлялся, а потом вроде понял, что Флора пытается ему помочь.

Уже промокшая с головы до ног, целиком измазанная грязью, Флора угрожающе рыкнула на небеса и, скользя и шатаясь, начала спускаться.

– Видит бог, ты просто глупая, безмозглая собака! – кричала она, используя злость как движущую силу. – Если бы ты не был таким чертовски жадным и не жрал бы все подряд, мне не пришлось бы убиваться, волоча тебя! И ты не застрял бы у того водопада, если бы был нормальной стройной собакой!

– А-о-у-у-у! – мрачно соглашался с ней Брамбл, поднимая голову и покрывая лицо Флоры новым слоем грязи.

Если бы Флора не знала гору так хорошо, она, скорее всего, не нашла бы пещеру, учитывая то, что находилась она в стороне от главной тропы, а вход в нее густо зарос ранним вереском. Флора ввалилась в пещеру под сплошным ливнем, продолжая на ходу читать лекцию псу. Ее совершенно непригодные для такой погоды кроссовки «Конверс» не про-

сто промокли, а готовы были развалиться. Флора с трудом втащила беднягу Брамбла в условное укрытие пещеры, протиснувшись сквозь заросли.

– Черт, черт, черт побери!!! – выругалась она, как можно осторожнее опуская пса на песчаный пол.

Флора задыхалась и вспотела, промокла от дождя и была в бешенстве. Выглядела она не лучшим образом.

– Привет, – услышала она вдруг тихий голос.

Глава 11

Флора почти ничего не видела. Темнота внутри пещеры и потоки воды, стекавшие с ее головы прямо на глаза, не позволяли ей всмотреться. Она моргнула раз-другой, потом потерла лицо ладонями, стараясь хоть что-то разглядеть.

Потом она проделала это снова, надеясь, что увиденное исчезнет.

Прямо на нее тарасилось с полдесятка двенадцатилеток и высокий розоволицый мужчина – все они ошеломленно уставились на нее. Кое-кто из детей был явно испуган. Флора попыталась понять, так ли уж странно она выглядит.

Пожалуй, да. Она была с головы до ног в грязи и только что свалила на пол огромного скулящего пса.

Флора постаралась придумать какой-нибудь небрежный способ ослабить смущение – ну вроде как на Муре все только и занимаются подобными делами, – но Брамбл жалобно подвывал, и притихшие дети смотрели на Флору так, словно она нарочно его мучила.

– Привет, – сказала она наконец.

Мужчина осторожно шагнул вперед – мягко, спокойно, как приближаются к опасному животному.

– Ты в порядке?

Снаружи по склонам колотил дождь.

– Ну конечно, я в порядке! – ответила Флора.

И только тогда заметила, что едва дышит.

– Я спрашивал собаку, – сказал мужчина.

Он говорил с местным акцентом, но, когда Флора при-
смотрелась к нему, она его не узнала.

Она наконец смахнула с глаз последние капли воды.

– Простите... а вы все кто? Вы нечто вроде затерянного
племени?

Но мужчина уже опустился на колени и что-то бормотал,
мягко поглаживая тяжело вздымающиеся бока Брамбла.

– Лапа, – пояснила Флора. – Не трогайте ее. Он застрял
между камнями.

– Он плохо выглядит, – заметил мужчина, почесывая
Брамбла за ушами.

– Не оскорбляйте моего пса! – резко бросила Флора.

– Извините...

Он посмотрел на Флору. Мужчина был крупным, широ-
коплечим, крепко сложенным, с густыми волосами, глаза у
него были яркого синего цвета, и казался он не слишком до-
вольным.

– Зачем вы заставили его бродить по склонам в дождь?

– Я могла бы точно так же спросить и вас о вашей армии
карликов, – проворчала Флора.

– А вы всегда лезете в гору в такой вот обуви?

– Да! – огрызнулась Флора. – Мне нравится ощущать грязь
подошвами ног.

На мгновение лицо мужчины утратило суровость.

– Вы живете где-то неподалеку? – спросил он.

– Не совсем так, – соврала Флора. – А вы кто такой?

– Чарли Макартур, – сообщил мужчина, протягивая руку. – Агентство «Приключения на воздухе». Мы ходили в поход.

– Конечно, предполагалось, что это будет весело?

Маленький отряд бодро забормотал что-то.

– Само собой, – ответил Чарли. – Мы сегодня отлично побродили.

– А что случилось с вашей собакой? – застенчиво спросил один из мальчиков.

У него был резкий западный акцент – Флора сказала бы, что он из Глазго.

– Не знаю, – призналась она. – Думаю, он сломал лапу.

Мальчики сочувственно зашумели. Когда Флора получше к ним присмотрелась, она заметила, что это какие-то особенные дети. Они совсем не походили на шумных и уверенных детей, которые группами шагали по стенкам причала, обмениваясь бодрыми криками, швыряя всякую ерунду в чаек, и вообще держались так, словно им плевать на весь мир, хотя это было и не так.

Эти дети выглядели по-другому. Да, Флоре не показалось: они были бледными и худыми и буквально тонули в слишком больших, взятых взаймы дождевиках. Она снова посмотрела на Чарли.

– Можно ребятам погладить вашу собаку? – спросил он. –

Мы отнесем ее домой. Если хотите. То есть... Если у вас нет какого-то другого плана.

Флора выпрямилась и, прищурившись, уставилась на него, ей не хотелось, чтобы Чарли заметил, какое это для нее огромное облегчение. Вокруг Флоры и так хватало снисходительных мужчин, еще один ей уж точно не нужен.

– Если хотите, – пожала она плечами.

– О, конечно хочу! Прекрасно! Что ж, это весьма любезно с вашей стороны. – Он выглянул наружу. – Думаю, мы подождем, пока закончится ливень. Нет смысла подвергаться переохлаждению.

Чарли посмотрел на детей, ласково гладивших пса. Брамбл наконец успокоился и вытянулся на песке, его дыхание стало спокойным. Похоже, он уже начинал дремать. Флора наморщила лоб.

– С ним все будет в порядке, – сказал Чарли. – Похоже, это не перелом, а сильное растяжение, ведь лапа не распухла. Не беспокойтесь, он просто спит.

– Знаю! – фыркнула Флора.

Наступило молчание. Флора понимала, что дурно ведет себя по отношению к человеку, который пытается ей помочь. Но каким-то образом ее сегодняшнее дурное настроение не желало отступать, и Флора не знала, как от него избавиться.

Они сидели рядом, глядя на дождь.

– А вы что, устраиваете приключения для детей именно в непогоду? – спросила наконец Флора, когда стало ясно, что

Чарли не смущен молчанием и готов сидеть так, пока дождь не иссякнет.

Он повел плечом:

– Погода всегда часть событий, разве не так? Мы могли бы поставить палатки... и вообще лучше было бы снаружи. Здесь не разжечь огонь.

– Разве это не убогий отдых?

– Думаете, нам следовало остановиться в пятизвездочном отеле?

– На каникулах, почему бы и нет?

Чарли покачал головой. Они сидели достаточно далеко от притихших детей.

– Нет. Только не с ними.

– А кто они?

Некоторые из этих детей просто походили на беспризорников.

Чарли тихо хмыкнул:

– У этих детей родители в тюрьме. Или один из родителей. Так что это для них просто возможность отвлечься от всего... Многие в очень тяжелом положении... Их прислали к нам благотворители.

Флора была потрясена до глубины души.

– О... – тихо выдохнула она. – Я же не знала...

– А откуда вам знать? Они просто дети.

Флора глянула в сторону детей:

– Похоже, им нелегко здесь.

– Некоторым – да, очень нелегко. Но несколько ночей в палатках, даже и под дождем, – это не самое худшее. Сегодня первая ночь. Погодите – и увидите, что будет через несколько дней. Вы их просто не узнаете. Просто им еще не известно, что будет дальше. – Он улыбнулся. – Как только мы разожжем огонь, все потеплеет.

– И вы один этим занимаетесь?

– Нет, с напарницей. Она отправилась за запасными плащами. Обычно я посылаю детей ей в помощь, но сегодня... не хочу, чтобы кто-нибудь подхватил бронхит.

– О... – повторила Флора.

Она гадала, кем может быть эта святая, которая в дождь ушла за плащами для неимущих детей, в то время как сама Флора буквально взбесилась из-за того, что никому не понравился приготовленный ею ужин.

– Я – Флора, – сказала она.

– Чарли, – снова представился мужчина. – Рад знакомству.

Они еще раз пожали друг другу руки. Ладонь Чарли была жесткой, обветренной и большой, как и он сам. В нем ощущалось нечто солидное. Флора понимала: если ваш ребенок очутится далеко от дома, такому мужчине его можно доверить без опаски.

– А почему именно вы остались с ними в этой пещере?

– Мы чередуемся, – усмехнулся Чарли. – К тому же это именно мужские уроки. Этим ребятам необходимо общаться

с мужчинами. Они не слишком много их видят.

– Что вы имеете в виду? – не поняла Флора.

– Ну... У большинства из них дома нет отца. Потом – женщины-учителя, женщины – социальные работники... Иногда они впервые сталкиваются с мужчинами, только когда попадают в полицию. Или в банду.

Тут Чарли встал и пошел к детям, собравшимся вокруг собаки. Он отправил двоих за палками, а когда те вернулись, мокрые и хихикающие, он показал всем, как соорудить полевые носилки, используя кусок брезента, который он извлек из своего рюкзака, и выдал кусок веревки, чтобы мальчики потренировались вязать узлы. И очень скоро им удалось смастерить нечто вполне приемлемое, теперь оставалась одна проблема – как уложить на носилки Брамбла. Пес, наконец-то расслабившись, спокойно лежал, изредка во сне облизывая лапу.

Чарли открыл справочник первой помощи.

– Что это вы делаете? – спросила Флора.

– Стараюсь подобрать правильную дозу снотворного для собаки. Пес довольно толстый, видите ли.

– Вы уже это говорили. – Флора нахмурилась. – И вы часто так делаете?

– О нет. Но не беспокойтесь, просто мы всегда имеем при себе много всякой всячины. Годится на любой случай.

Флора улыбнулась. Чарли выглянул наружу:

– Похоже, проясняется.

– Ничего не проясняется!

– Думаю, любой, кто крепче тростинки, может выдержать такую погоду. – Он повернулся к мальчикам. – Кто достаточно крепок?

Мальчики загомонили.

– Кто полагает, что сможет отнести эту собаку вниз, к ветеринару?

– Я! Я, сэр! Позвольте мне!

– Не разрешайте ему! Он точно уронит эту чертову собаку, как роняет свои сэндвичи!

– Я не роняю сэндвичи!

Мальчики захохотали над каким-то незадачливым веснушчатым пареньком, стоявшим впереди, и тот густо покраснел.

– Угомонитесь! – приказал Чарли тоном, не допускающим возражений. – Так, парень, еще раз, как тебя зовут?

– Итан, – прошептал мальчик.

У него был измученный вид и тени под глазами, которые делали его похожим на старичка.

– Они были нормальными на вкус, эти сэндвичи?

– Да, если вам нравится грязь! – выкрикнул кто-то.

– Эй! – прикрикнул Чарли. – Достаточно!

Он наклонился к маленькому парнишке.

– Послушай, – заговорил он, – уже почти стемнело. Это животное пострадало, и мы должны его спасти. Это будет трудно, и мы промокнем. – Он немного помолчал. – Так ты

готов мне помочь?

Мальчик энергично кивнул.

Чарли присел рядом с головой пса с парой таблеток снотворного.

– Он не станет это глотать, – сказала Флора, которая помнила, как давным-давно мать пыталась дать Брамблу глистогонное.

– Вместе с этим проглотит, – возразил Чарли, вдавливая таблетки в мятное печенье «Кендал».

И действительно, Брамбл сонно приоткрыл налитые кровью глаза и лениво слизнул печенье, ничего не заметив.

– Это его успокоит. Все в порядке, ребята.

Чарли назначил еще несколько человек в помощь Итану – и Флора отметила, что он не выбрал ни одного из тех, кто смеялся над мальчиком. И вот уже ребята выстроились вдоль носилок.

– Начнем, – сказал Чарли, и они с Флорой опустились на колени, чтобы перекатить пса на носилки. – Этот пес уж...

– Да, слишком толстый – вы это уже говорили, – перебила его Флора. – И еще раз спасибо вам, Капитан Доброе Дело.

Чарли поднял голову и посмотрел на нее:

– Это что-то новенькое. Обычно люди благодарны, когда я помогаю им в горах.

– В самом деле?

Флора замерзла, ужасно проголодалась и на самом деле не чувствовала никакой благодарности.

– Спасибо, – повторила она.

– Не стоит того, – сухо откликнулся Чарли.

Брамбл слегка заворочался на носилках, но Флора успокоила его. Чарли снял с себя ремень, и Флора с изумлением наблюдала за тем, как он осторожно пристегивает Брамбла к носилкам.

Дождь уже уходил дальше, видно было, как горы у маленького залива очутились в его объятиях, вода лилась на поля, доходившие почти до дюн, взбивала пену в устье реки.

– Пора, – сказал Чарли. – Готовьтесь, ребята. По моей команде поднимайте его, осторожно, не торопясь...

Когда мальчики сосредоточились, у входа в пещеру возникла тень. Флора моргнула. Там стояла крупная женщина – не полная, а просто внушительная, с широкими плечами и крепким подбородком. Она натянула на голову капюшон непромокаемого плаща, крепко завязав его тесемки, капли воды висели на ее носу.

– Все готово, – бодро сообщила она. – Завтра все будете помогать, будь хоть дождь, хоть солнце. Можете только пожалеть себя, потому что это ваш первый день. Но все равно пора отправляться дальше!

Мальчики весело зашумели. А женщина только теперь заметила Флору.

– Вы кто? – спросила она. – Мы не разрешаем родителям сопровождать ребят в походах, и мне казалось, я это достаточно четко объяснила.

– Нет, я...

– А если вы какой-то инспектор, нам понадобятся две недели на письменный отчет, хотя вы можете хоть в полицию заявить, не важно, потому что наши стандарты безупречны.

Флора слегка дернулась:

– Нет, я...

– Она просто легкомысленная девчонка, чья собака повредила лапу, – пояснил наконец Чарли. – Ты посмотри только на ее обувь!

Женщина так и сделала – и тут же громко расхохоталась.

– Ох, да уж! – воскликнула она. – Так вы решили ей помочь? – Ее тон изменился, когда она обратилась к Чарли и мальчикам.

– Да, Джен! – закричали мальчишки.

– Что ж, прекрасно, – решила Джен. – Спустите ее с горы – и сразу возвращайтесь. У нас тут куча сарделек, которые нужно съесть!

На Флору она больше не смотрела.

Глава 12

Флора вынуждена была признать, что мальчики были невероятно осторожны и внимательны, когда тащили носилки по самой трудной, каменистой части тропы, пока наконец не добрались снова до широкой мягкой дорожки. Брамбл, похоже, даже во сне осознавал, что ему стараются помочь, и не слишком вертелся, а также ничего не имел против ремня, что его удерживал. Флора ласково гладила его уши, когда могла, и шептала всякие глупости, в основном насчет лицемерных педагогов из «Приключений на воздухе», которые воображали, будто знают все на свете. А ее мокрые кроссовки чавкали в грязи.

Когда они подошли к ферме, Флора стала громко звать Финтана, который как раз вышел накормить кур, тот помахал рукой и пошел ей навстречу.

– Какого черта случилось с Брамблом?! – с озабоченным видом спросил он. – Что ты с ним сотворила, Флора?

– Я с ним ничего не творила! – с возмущением откликнулась она. – Он пытался добраться до водопада, хотя по человеческому счету ему уже лет семьдесят пять, не меньше. Он просто идиот!

Финтан посмотрел на Чарли – с некоторой робостью, как заметила Флора.

– Привет, Чарли! Жаль, что так вышло. Что там натворила

моя сестра?

– Так она твоя сестра? – спросил Чарли. – Надо же! Вы совсем друг на друга не похожи.

– Я, вообще-то, тоже здесь стою, – напомнила им Флора.

– И слава богу, что ты здесь стоишь, – ответил Финтан. – Она что, действительно полезла в гору в этих сандалиях? Бедный Брамбл!

– Думаю, это просто растяжение, – сообщил Чарли. – Скорее всего, к утру он будет в полном порядке.

Мальчики осторожно опустили носилки на землю.

– Спасибо вам, ребята! – сказал Финтан. – Может, хотите...

– Чего? – уточнила Флора.

Финтан сморщился:

– Я хотел сказать «печенья или пирога», но у нас ведь ничего нет...

Прежде в их доме редко случался день, когда не нашлось бы фруктового пирога, ожидавшего случайных гостей.

Мальчики с надеждой смотрели на хозяев.

– У меня есть пакет бисквитного печенья, там, в спальне, – неохотно произнесла Флора.

Она спрятала это печенье от лап братьев, потому что все еще не доверяла им.

– Подождите...

– Не стоит беспокоиться, – остановил ее Чарли. – Нас ждет там, на горе, питательный ужин. Но без сахара.

– У-у-у... – протянул один из мальчиков.

Флора успела заметить, что у него не хватает одного переднего зуба.

– Тогда ладно.

– А как насчет чашки чая? Или глоточка спиртного? – спросил Финтан.

– Нет, я на работе, – возразил Чарли. – Лучше я поведу ребят обратно на холм. Уже довольно поздно.

– Верно, – согласился Финтан.

– Мне очень жаль... – пробормотала Флора.

Мужчины кивнули.

– Ну, пока! – сказал Чарли. Но обращался он к Брамблу.

Он ласково погладил пса, а потом вместе с мальчиками под морозящим дождем направился обратно к холму.

– Ну, успокоилась после маленькой прогулки? – спросил Финтан.

В кухне все оставалось по-прежнему, посуду никто не помыл, еда застыла на тарелках и в кастрюлях. Флора посмотрела на все это и зажмурилась. Она уложила Брамбла рядом с кухонной плитой, и тот, измученный событиями, тут же крепко заснул. А Флора пошла в свою спальню.

– Если будешь искать то печенье, так мы с Хэмишем его уже съели! – крикнул ей вслед Финтан.

– Я люблю бисквиты, – сообщил Хэмиш. – Купи еще, Флора.

Глава 13

Ну и как твоя работа? – поинтересовалась на следующий день Лорна. – Ты вроде совсем ничего не делаешь.

– Жду клиента, – пояснила Флора. – Я у него на побегушках. Но пока он не выдает распоряжений.

– Как ты думаешь, стоит этот кофе своих денег?

– Не стоит. – Флора с отвращением посмотрела на то, что подавали в «Харборс рест». – При всем уважении к самой идее кофе.

Она посмотрела по сторонам:

– А Колтон Роджерс хоть раз бывал здесь?

Лорна фыркнула:

– Ну, если серьезно, я вообще не думаю, что он где-то на острове. Никто его не видит.

Старая Мэгги, вечно присутствовавшая на сцене социальной жизни Мура и заседавшая в городском совете, наклонилась к ним.

– Он только высасывает деньги из местных, – презрительно сообщила она, – и ничего не дает взамен. Портит нашу красоту и нашу природу... и совсем не тратит здесь свои деньги.

Лорна посмотрела на Флору, и та энергично затрясла головой. Она не хотела, чтобы Мэгги узнала о том, что Колтон – клиент их фирмы.

– Он как человек-невидимка, – сказала Лорна. – Так и кажется, что появится вдруг из ниоткуда, чтобы выпить кружечку пива.

– Вряд ли американцы это делают, – возразила Флора. – Мне кажется, они предпочитают напитки из пырея.

Магги моргнула.

– Ну-ну, – пробормотала она. И тут же продолжила: – Так приятно снова тебя увидеть, милая. Ты в отпуске?

– Нет... просто... заехала ненадолго, – промямлила Флора.

– Твой отец наверняка рад.

– Пожалуй... – мрачно откликнулась Флора.

– Ох, ну конечно! – воскликнула Лорна, испугавшись, что Флора опять погрузится в уныние. – Мы все рады тебя видеть!

– Именно так, – согласилась Мэгги. – А ты будешь снова танцевать? Я уверена, миссис...

– Нет, – коротко бросила Флора.

Мэгги и Лорна переглянулись.

– Привет! – раздался у двери громкий голос.

Девушки обернулись. У входа стояла добродушного вида женщина, которую Флора не узнала с первого взгляда.

– Лорна! – прогудела женщина.

– Джен!

В голосе Лорны Флора не услышала обычной жизнерадостной доброжелательности.

– Как дела?

– Неплохо, неплохо!

Флоре показалось, что Лорна удручена встречей.

– Джен, ты знакома с Флорой?

– Нет, – ответила Джен.

– Между прочим, мы встречались вчера, – осторожно про-
изнесла Флора.

Женщина слегка прищурилась.

– А, ну да! – проревела она. – Та самая дурочка! Можешь
представить, Лорна, она полезла к водопаду черт знает в чем
вместо хорошей обуви!

– Флора прожила рядом с водопадом чуть ли не тридцать
лет, – мягко сказала Лорна. – Думаю, ей это позволительно.

– Только она могла бы и помереть там, если бы мы ее не
нашли.

– И не собиралась! – ядовито бросила Флора.

– Здешние горы опасны.

– Да, спасибо, я это знаю, если учесть, что я здесь родилась
и выросла.

– В самом деле? – фыркнула Джен. – Вообще-то, ты мне
кажешься горожанкой.

– Спасибо, – ответила Флора и тут же рассердилась, пото-
му что приняла это за комплимент.

– Вы хорошо прогулялись? – поспешила спросить Лорна.

– Да, но на нас лежит огромная ответственность за наших
менее везучих друзей, – прогудела Джен. – И как раз поэтому

мы думали... А ты не подумала еще раз о том, чтобы взять в школу больше детей?

– Я ведь уже объясняла, – ответила Лорна. – Мы были бы очень рады взять к нам любого из ваших детей. Но им придется жить здесь. Их родители или опекуны должны к нам обратиться.

– Они не могут, – возразила Джен. – У них нет возможности.

– Ну и как тогда я могу их принять? Будь рассудительна. Я не могу открыть здесь школу-пансион.

– Но им это пошло бы на пользу.

– Уверена, пошло бы. Но в Шотландии нет государственных пансионатов, да если бы и были, у нас нет средств и нам не набрать штат... – Лорна тревожилась все сильнее. – Джен, если ты захочешь привезти их на недельку во время каникул, мы будем рады принять их!

– Им нужно гораздо больше, чем это, – ответила Джен.

– Не сомневаюсь, – кивнула Лорна. – И мне очень жаль, что мы не можем этого дать.

– Очередная дверь захлопнулась перед детскими носами! – рывкнула Джен и ушла с оскорбленным ворчанием.

– Она вроде серьезно настроена, – заметила Флора.

– Да, и она совершенно права, – ответила Лорна. – Джен руководит агентством «Приключения на воздухе» для неустроенных детей. И думает, что это дает ей право хамить всем, кто не занимается тем же самым.

– Знаю, я уже встречалась с ее компаньоном.

– Чарли? С ним все хорошо. И ему нравится все западное.

А Джен уверена, что все те, кто не пытается спасти мир, – моральные уроды.

– Да, похоже, она очень утомляет.

– Но она хорошо делает свое дело.

– Может, мне следует как-то помочь? – нахмурилась Флора. – Позаниматься с ними несколько дней, объяснить, как заботиться о себе.

– Хочешь снова устраивать чаепития?

– Если я этого не сделаю, то и никто не сделает, – вздохнула Флора. – Они ведь каждый вечер едят одни сардельки! А в итоге умрут от закупорки сосудов или коронарной недостаточности. В общем... Не могу сказать, конечно, что мне этого очень хочется...

Лорна улыбнулась. Ее собственная мать считала пределом мечтаний замороженные блинчики «Криспи панкейкс» фирмы «Финдус». Лучшим из подарков был для нее морозильник. И Лорне всегда очень нравилось бывать у Маккензи. Мать Флоры, казавшаяся ей существом из другого мира, постоянно хлопотала над какими-то исходящими паром блюдами, в прозрачных супницах булькали супы, вдруг возникали безупречные пироги, и у нее всегда имелось немного песочного печенья и теплого, только что из-под коровы молока.

– Не знаю... – протянула Флора. – Я подумала, что, может

быть, попробую испечь какой-нибудь пирог...

– Когда ты в последний раз это делала?

– Не надо! – засмеялась Флора. – Я уверена, что все вспомню. Имей в виду, я как раз вчера вечером об этом думала.

– Хочешь, приду помочь?

– Ага, и приготовишь что-то для моей семьи, и покажешь им, насколько лучше, чем я, ты умеешь это делать? Нет уж! Ты им и так нравишься больше, чем я. А ты уверена, что не можешь выйти замуж за одного из моих братьев, переехать к ним и взять на себя все заботы? Давай, Финтан все нравится!

– Нет, черт побери! – усмехнулась Лорна. – Без обид... я их всех очень люблю.

– И к тому же ты по-прежнему пытаешься закрутить с тем доктором.

– Перестань!

Лорна густо покраснела. Она была отчаянно влюблена в местного врача, так сильно, что Флоре вряд ли стоило подшучивать над этим.

– Прости, – поспешила извиниться она. – Я прекрасно знаю, что это такое... Мой босс... может, ты даже с ним встретишься.

Даже говоря это, Флора порозовела.

– Как это?

– Думаю, он собирается приехать, чтобы придрататься к Колтону.

– Он тебе нравится?

– Он... он очень привлекателен. Вот и все.

– Нравится! А он свободен?

– Трудно сказать, – ответила Флора. – Он постоянно появляется с какой-то высокой тощей блондинкой, но я не уверена, что это одна и та же девушка. Как Леонардо ди Каприо.

– Хм... – промычала Лорна. – Что-то не похоже на твой тип.

– Так и есть! – согласилась Флора. – В общем... когда ты его увидишь, скажи, насколько неприятным он тебе показался.

– Ладно.

– Хочешь, я также оценю твоего доктора?

– Даже и не смей! – в ужасе воскликнула Лорна.

– Боже, как приятно встретить кого-то дурнее меня самой! – засмеялась Флора. – Правда! Ладно, пойду покупать все для пирога. Пожелай мне удачи.

– Для очень скромного пирога.

– Да-да-да!

Но когда Флора вышла и солнце согрело ей спину, а ветерок растрепал волосы, она почувствовала себя взбодренной тем, что провела время с подругой, не с кем-то со службы и не с мимолетным знакомым, а с человеком, которого она знала с давних пор.

Глава 14

Флора взмокла, поднимаясь по склону с покупками, и к тому времени, как дошла до дому, снова проголодалась. Но она ощущала приятную усталость после физической нагрузки и с тем чувством, которое возникает у вас при пробуждении утром после тяжелого дня, – ну не может же все на свете быть так плохо, как было вчера!

Из Лондона до сих пор не пришло ни слова. Флора понятия не имела, что происходит. Казалось весьма необычным числиться на службе – и вроде как в отпуске. Флора не знала, то ли ей следует как-то лучше проводить свое время, то ли просто немножко загореть и ни о чем не думать или взять и напиться, – ей достаточно было пятнадцати минут, чтобы обгореть на солнце, и не намного больше, чтобы опьянеть.

Брамбл уставился на Флору, когда она вошла, и его тяжелый хвост замолотил по старому каменному полу. Пес явно простил Флору за ужасный день. Она проверила его повязку – пес успел изжевать ее. «Нужно было надеть на него специальный воротник в форме конуса», – подумала Флора. Но ей всегда казалось, что собаки в таких воротниках выглядят ужасно растерянными и смущенными.

В доме, конечно же, было пусто, братья разошлись по разным концам фермы.

Флора включила Интернет – здесь он загружался со ско-

ростью ленивой улитки, – просто для того, чтобы взбодриться, послушав на «Кэпитал ФМ» новости о лондонском транспорте. Метро снова встало. Туннель Блэкуолл был закрыт. Мысль о том, что не всем удастся хорошо проводить время, утешала.

– И будьте осторожны, к четырем часам температура может побить рекорд и достигнуть двадцати девяти градусов, так что лучше посидеть дома, ребята! – бодро сообщил диджей, и Флора закатила глаза.

Она осмотрела кухню. Кастриули и сковородки, которые она так неудачно использовала накануне, все так же лежали в раковине, и к ним добавилась кастрюлька из-под овсянки, древняя коричневая с оранжевым штуковина – ею всегда пользовались именно для этой цели: чтобы сварить утреннюю кашу. Флора смутно помнила, что ее мать долго собирала нечто – ярлыки? наклейки? – для того, чтобы приобрести комплект кастрюль разного объема. Но от всего комплекта осталась только эта. Да и у нее уже едва держались ручки.

Флора проследила за солнечным лучом, что танцевал в грязных кухонных окнах. Здесь вообще все было ужасно грязным. Нельзя было на самом деле винить в этом братьев – они много работали, – но кухня, конечно, не стала бы чище сама собой. И было что-то в этом беспорядке и в этой грязи, что не позволяло расслабиться. Флора не была помешана на чистоте, ни в коем случае, но обстановка в кухне удручала и вряд ли шла на пользу семье. К тому же тут легко можно

было подхватить дизентерию или амебный гепатит.

Нет. Так дело не пойдет.

Флора с треском открыла древнюю посудомоечную машину и опустошила грязный фильтр. Помыв сначала камеру машины, которая, похоже, никогда не использовалась, Флора принялась заталкивать в нее все, что подворачивалось ей под руку. Она не стала экономить на моющих и чистящих средствах, которые купила в супермаркете вместе с ингредиентами для пирога. Снова и снова наполняла она горячей водой раковину, заставляя шумный старый бойлер регулярно включаться. Флора перемыла не только грязные тарелки, она взялась и за всю старую фаянсовую посуду, отмывая ее и складывая в углу, чтобы отправить потом в единственную на острове благотворительную лавку. Вот только найдутся ли на всем острове тридцать пять человек, которым понадобятся блюда? И сколько бесплатных кружек от компании по производству удобрений можно использовать разумно?

Потом Флора начала отскрести пыль и грязь с полок, покрытых липкими кругами. Она и сама перемазалась в пыли, когда заползала под буфеты, а потом ведро за ведром выливала в сток темно-серую воду. Флора вынесла груды старых рекламных листов и конвертов, собрала счета и банковские извещения и разделила на стопки, чтобы разобраться в них вместе с отцом. Следует научить его оплачивать банковские счета через Интернет, что заметно облегчит его жизнь. Возможно. Или жизнь Иннеса хотя бы.

Флора выбросила все старые пакеты с остатками лапши и просроченным рисом – оставалось лишь удивляться, что в дом не забрались мыши, – и расставила все по порядку в шкафах и буфетах. Она понятия не имела, что со всем этим делать, но приятно было видеть, что все весьма специфические предметы, вроде банок с кукурузной мукой и нутряным салом, выстроились в ряд.

Работа была утомительной, но результат радовал, и Флора снова и снова наполняла водой ведро. Даже то, что она занималась чем-то полезным, вдохновляло Флору, избавляя от панического липкого страха, который она испытывала с тех пор, как узнала, что ей придется вернуться домой.

Она вспоминала Джен, о том, как та под проливным дождем устанавливает палатки для несчастных детей из города. Что ж, Джен была не единственной, способной творить добрые дела, подумала Флора, – но, поймав себя на этой мысли, поняла, что это глупо.

Она на пару часов залила плиту ядовитым химикатом, не забывая о том, что с ним следует обращаться осторожно, чтобы он ни в коем случае не попал в утиный пруд. Но Флора все равно могла поставить чайник. Ей приятно было видеть, как он блестит после того, как она замочила его в средстве от известкового налета. Потом она сто раз прополоскала его под краном, наблюдая за тем, как уплывают белые чешуйки, потом еще прокипятила в нем немного воды.

Затем Флора наполнила старые материнские баночки с

надписями «чай», «кофе» и «сахар», но при этом поклялась себе, что как только получит какие-то деньги – кстати, об этом тоже стоило поговорить с отцом: а есть ли в доме вообще деньги? – то первое, что она сделает, так это купит нормальную кофеварку, чтобы не приходилось пить растворимый кофе, от которого она давным-давно отвыкла.

И тут Флора осознала, что размышляет так, словно намерена задержаться здесь куда дольше чем на какую-то неделю.

Но ведь это было не так. Дело сделано. Она уехала – но она снова дома. Она вернулась. Ух... Это смущало.

Протянув вперед руку, чтобы провести пальцем по только что отполированному буфету, Флора наткнулась на книги с рецептами, что стояли там. Она сама во множестве покупала их для матери, хватая все, что рекламировали, и полагая, что если уж мать так много времени проводит на кухне, то вполне может попытаться приготовить разные блюда. Так что здесь были книги Найджелы Лоусон, Джейми Оливера и вообще все, что показалось Флоре интересным и при этом не слишком сложным или причудливым. Ничего с кабачками-спагетти.

Книги посыпались на пол, и Флора уставилась на них. Новехонькие... Абсолютно нетронутые, практически это были единственные чистые, аккуратные предметы во всей кухне. Ее мать – всегда энергично ее благодарившая, – судя по всему, вежливо ставила эти книжки на полку и никогда их не открывала. Даже для того, чтобы просто поинтересоваться.

Флора с легкой улыбкой покачала головой. Нечего было и удивляться тому, что отец говорил: он знает, откуда у Флоры такое упрямство.

Подбирая книги и прикидывая, нельзя ли их продать, Флора увидела между ними какую-то старую тетрадь. Пока она тарасилась на нее, закипел чайник. Тетрадь казалась Флоре одновременно и незнакомой – она не могла в точности припомнить, видела ли она ее когда-то, – и в то же время очень знакомой, как собственная ладонь, как человек, которого замечаешь в толпе и лишь потом осознаешь, что знал его всю жизнь.

Флора присела на корточки и осторожно подняла тетрадь.

Она была в темном твердом переплете с красной прошивкой, слегка уже ослабевшей, и с такими же красными закладками внутри. На обложке виднелись жирные пятна. Флора открыла тетрадь, уже догадываясь, что это такое. Что ж, понятно, почему ее матери никогда не были нужны те книги, что покупала Флора.

У нее был собственный сборник рецептов.

Глава 15

Икак только она могла забыть? Но ведь Флора никогда на самом деле и не задумывалась о том, что еда требует такого внимания, ее мать просто готовила, и все, для нее это было так же естественно, как дышать. Обед появлялся на столе ровно в пять, когда все возвращались с полей или из школы, и, конечно, в конце обеда всем доставалось по большому куску яблочного пирога с домашними сливками, которые наливали из старого треснувшего белого кувшина с голубыми коровами по ободку, – кувшин этот благополучно пережил чистку. Пудинги и желе, толстые куски окорока и нежная картошка, и всегда пирог. В детстве Флора помогала матери, сидя рядом с ней и внимательно все впитывая и пробуя. В особенности хорошо ей удавалось облизывание ложки, но она справлялась также и с тем, что растирала в пудру сахар, месила, смешивала. И когда Флора уже подросла и училась, чтобы сдать экзамены, она продолжала работать в ритме движения материнской деревянной ложки и скалки.

И все это по-прежнему лежало здесь.

Флора вдруг от волнения слегка икнула.

Она налила воды в большую старую эмалированную кружку, которую мать постоянно доливала в течение дня, внутри остались темные полоски от чая. Казалось немного странным и даже слишком интимным пить из кружки матери.

Флора с любопытством присмотрелась к ней, потом решила продолжить, пусть даже ей стало чуть жутковато. Просто она была немножко суеверной, вот и все. Флора опустила в кружку чайный пакетик и продержала его в кипятке чуть дольше привычного, криво улыбаясь себе под нос. Ее мать любила чай, в котором могла стоять ложка. Потом, взяв кружку, Флора села в материнское кресло – ближайшее к огню, хотя мать редко им пользовалась. Сидеть просто так не было в ее привычках. Такое случалось лишь в ее день рождения, в День матери да еще на Рождество, когда все суетились вокруг нее, уговаривая отдохнуть, пока они сами все сделают.

Флоре захотелось бисквитов, но их не осталось, и вместо того она снова уставилась на тетрадь, на эту маленькую частицу ее матери...

Тетрадь издавала легкий запах, нечто вроде концентрированной сущности кухни: немножко жира, немножко муки и просто запах дома, легший, как патина, за многие годы вместе с отпечатками маленьких липких пальцев, которым не терпелось ткнуться в джем. «Горячо! Еще горячо!» Флора словно услышала отзвук голоса матери, прикрикивавшей на них, когда они старались подобраться к яркой густой жидкости, которую она осенью целыми днями помешивала в огромном котле, а потом наполняла ею банки и отправляла их на деревенскую ярмарку, на шотландский праздник урожая, древний и исчезнувший в других местах.

Флора помешала ложкой чай и открыла тетрадь.

Первым, что она увидела, была надпись неровным почерком ее отца, чернила давно поблекли.

Люблю тебя, Анни. Надеюсь, ты будешь записывать сюда что-нибудь замечательное.

Внизу стояла дата – август семьдесят восьмого, судя по всему, это был день рождения матери.

Флора всмотрелась в надпись. Это была тетрадь для заметок, очень красивая, а вовсе не для кухни. Почему же она превратилась в сборник рецептов? Но что еще могла записывать ее мать? Флора улыбнулась при мысли об отце, у него никогда не было особой фантазии насчет подарков. Но пожалуй, матери и это в нем нравилось.

Флора перевернула страницу. Каждый рецепт сопровождался подробными комментариями. Вот, например, мясной бульон с овощами. Как только Флора увидела этот рецепт, она буквально ощутила насыщенный запах бульона, мать готовила его по воскресеньям, предварительно обжарив мясо, в итоге получался густой, наваристый суп. Флора вспомнила запотевшие окна дома, которые она видела, возвращаясь из школы по понедельникам в темные зимние вечера. А еще теплую комнату, светлую и уютную, где она сидела над домашними заданиями, постоянно жалуясь, что все мальчишки думают только о Лорне Маклеод. За стол садились ее братья, мать наливала всем чай, и Флоре тоже, а сама продолжала хлопотать у плиты.

Новая страница – и еще один рецепт супа, на этот раз

из бычьих хвостов, но почерк был другим. Флора в изумлении поняла, что это рука ее бабушки Мод – бабушка давно уже умерла, она была такой же северной ведьмой, как и мать Флоры, – рецепт был записан чернильной авторучкой. А над ним мелкими изящными буквами написана какая-то гэльская фраза, которую Флора не сразу сумела понять, ей пришлось принести из гостиной старый словарь, и только тогда она разобрала: *«Это было давным-давно... а мне и теперь нравится»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.